

18+

Юлия Ганецкая

*Нас война
соединила*

Юлия Ганецкая
Нас война соединила

«Издательские решения»

Ганецкая Ю.

Нас война соединила / Ю. Ганецкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-550351-0

Россия, начало двадцатого века. Главная героиня Анна — девушка из дворянской семьи, хрупкая и нежная, воспитанная любящим отцом в поместье недалеко от Воронежа. С детства Анна тайно влюблена в Алексея — друга своих братьев. Гражданская война крушит всё на своём пути, разводит по разные стороны баррикад братьев и друзей, губит близких. А Анне даёт возможность обрести любовь. Сумеет ли героиня сохранить своё счастье? Какие испытания и невзгоды выпадут на её долю?

ISBN 978-5-00-550351-0

© Ганецкая Ю.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	39
Глава 7	41
Глава 8	44
Глава 9	47
Глава 10	49
Глава 11	57
Глава 12	62
Глава 13	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Нас война соединила Юлия Ганецкая

Ольга Рыбина *Редактор*

Оксана Сизова *Корректор*

Анастасия Турушина *Иллюстратор*

Ольга Черных *Дизайн*

© Юлия Ганецкая, 2021

© Анастасия Турушина, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-0055-0351-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Анна

Глава 1

Сморгонь. Белоруссия. 1916 г.

– Пресвятая Госпоже Владычице Богородице! Со страхом, верою и любовью, пред честною иконой Твоею припадающе, молю Тя: не отврати лица Твоего от прибегающих к Тебе, умоли, милосердная Мати, Сына Твоего и Бога нашего, Господа Иисуса Христа, да сохранит мирну страну нашу, Церковь же свою святую непоколебиму да соблюдет и от неверия, ересей и раскола да избавит.

Ты еси всесильная христиан Помощница и Заступница. Избави же и всех с верою Тебе молящихся от нападений греховных, от навета злых человек, от всяких искушений, скорбей, болезней, бед и от внезапной смерти. Даруй нам дух сокрушений, смирения сердца, чистоту помышлений...

– Казанской Богородице? – шепотом спросил поручик Петр Зуев солдата, занявшего позицию рядом.

– Да, Ваше благородие. Очень она помогает, защитница наша. Я ведь с начала войны на фронте, добровольцем еще записался. Много боев прошел, а все она, святая заступница, бережет.

Петр Зуев искоса посмотрел на читающего молитву Михаила Васюткова и вновь припал к биноклю.

– Боишься, значит? – спросил он рядового после минутного молчания.

– А как не бояться, Ваше благородие? Жизнь-то, она одна, вторую Бог нам не дарует. Хоть и за Родину воюю, а все жить хочется, детей родить, на внуков посмотреть... А вам что ж, Петр Васильевич, совсем не страшно?

– Был страх, – улыбнулся Петр, не отрывая взгляда от вражеской стороны, – мешал, как чирь на одном месте, да только я его выдавил из себя, Васютков, до крови прям выдавил. Страх, он ведь мешкать нас заставляет, обдумывать, остерегаться. Да только, если думать долго, то и врага не убьешь, и сам под пулю попадешь.

– Завидую я вашей храбрости, Ваше благородие, – вздохнул Васютков. – Вот бы мне хоть капельку вашей смелости.

Петр отвернулся, дабы рядовой не заметил его смущения. Храбрец, как же?

Он никогда не хотел быть военным, поступил в Николаевское военное училище потому, что там учился старший брат и друг семьи Алексей. А Петр с детских лет старался во всем быть похожим на старшего брата. К тому же отец был отставным генералом. Казалось, судьба военного была predetermined мальчику с младенчества.

Как же скучны были часы, проведенные в учебных классах! Как утомительны тренировки по фехтованию и еще более ужасны учения на полигонах. Романтическому Петру, обожавшему Шекспира и Пушкина, военная служба представлялась чем-то обязательным и неизбежным, если ты хотел занять достойное положение в обществе. Ну и еще прекрасным поводом отправиться на Кавказ, как Лермонтов.

Сидя на подоконнике в коридоре училища, безусый, коротко стриженный юнкер мечтал о том, как станет настоящим офицером, таким, как Феликс и Алексей. Как на нем ладно и кстати будет сидеть новая форма, а сбоку – покачиваться сабля!

И вот выпускной экзамен. И почти сразу война.

– Война – это шанс быстро получить награды и, как следствие, быстро взлететь по карьерной лестнице, – поучал молодого офицера старший брат Феликс, собирая дорожный рюкзак и прижимая к себе плачущую сестру. – Война закончится быстро. К Рождеству уже будем дома,

но эти месяцы сражений не пройдут даром для твоей будущей карьеры. И в академию поступить будет намного проще.

Петр тогда и представить себе не мог, что такое настоящая война. Он не знал, что придется мокнуть в грязных окопах, есть полусырую пищу из железной миски, расчесывать до крови давно не мытую шею и, что самое ужасное, убивать людей, пусть даже и врагов. И каждый божий день видеть смерть своих товарищей.

Годы войны не только начисто лишили поручика романтики, но сделали черствым и безразличным. К своему удивлению, Петр узнал, что он не храбрее других. Раньше Зуев очень боялся, что может оказаться трусом. Насвистывал модную мелодию, чистил оружие, с гиканьем мчался в бой и... где-то на периферии сознания опасался, что спасует в самый ответственный момент. И как же стыдно было ему от этого страха!

В окопах он с упоением вспоминал дом, конюшни с новорожденными жеребятами, ласковую Анну и хохотушку Зою. Там было его место, только в Зуево он чувствовал себя счастливым и уверенным.

Однако теперь он младший офицер, клятвенно обещавший защищать Родину. Внешне он ничем не выдавал своего внутреннего смятения и боязни. Да и имел ли он право бояться? Он, сын славного русского генерала, брат отважного полковника. Да разве имел он право мечтать о беззаботной жизни в тиши имения в то время, как страна находилась на грани поражения? Нет, только вперед, только в бой!

Честь отца и брата Петр ставил превыше своих страхов и желаний и оттого героически рвался в бой, желая встать плечом к плечу с простыми солдатами.

Наступал рассвет того холодного апрельского утра. Слышно было, как вдалеке, скорее всего в Залесье, заголосил петух.

– Ишь как радуется! – восхитился Васютков. – А вот я бы так не радовался, ночью спокойней все же.

– Счастливая птица, хоть война, хоть мир – все ему едино, – заметил другой солдат, косматый и бородатый Давыдов.

– Работа у него такая, к заутрене зовет. Вот бы его, гада голосатого, сюда, а меня – к барышням песни распевать, – засмеялся Васютков.

– Тише вы там, разболтались, как на базаре! – нахмурил брови Петр.

Вдруг с противоположной стороны появились клубы серо-желтого облака, поднявшись над землей в рост человека.

– Ваше благородие, туман это, что ли, такой? – спросил вполголоса Давыдов у Петра.

Петр молчал, он с ужасом начал понимать, что это фосген – одно из сильнейших отравляющих веществ, которое немцы применяли на войне.

– Тревога! – зычным голосом крикнул Петр, выплевывая окурок.

Мгновенно началась суeta.

Солдаты, еще не отошедшие от сна, хватали оружие, на ходу застегивая гимнастерки, и растирали затекшие от неудобного положения шеи. Но уже через минуту все заняли свои позиции, ожидая дальнейшей команды.

Вдоль траншеи, не обращая внимания на лужи и разбросанные солдатами вещи, к Петру направлялся командир батальона капитан Алексей Горин.

– Хлор, Алексей Константинович, определенно он! – отдав честь, доложил Петр. – Я этих газов за войну столько перевидал, точно хлор!

– Приготовиться к газовой атаке! – громко объявил капитан и, передавая Петру бинокль, добавил: – Разжечь костры! Ты прав, Петр. Да поможет нам Бог.

По периметру траншей вспыхивали костры, дым которых разгонял ядовитый газ. Солдаты, надевшие противогазы и защитные марлевые повязки, построились по приказу командира.

– Офицеры, солдаты! Враг исчерпал всю свою храбрость и потому решил атаковать нас отравляющим газом. Противогазов на всех не хватит. Поэтому приказываю во время боя снимать с погибших защитные средства, будь то солдат русской армии или поверженный враг, и надевать на себя! Знаю, что это противоречит заповедям, но у нас нет другого выхода. Надо выстоять, братцы, надо победить. За нами Россия! Ура!

– Ура! – раздались приглушенные из-за противогазов голоса. – Ура!

– Петр, не геройствуй, надень хоть марлевую маску, – заметил Алексей, обращаясь к поручику Зуеву.

– Не берет меня этот газ. Сколько ни травили, а вот ведь жив, – ухмыльнулся Петр, хватая винтовку и одергивая гимнастерку.

– Надеть защитное средство, поручик Зуев, это приказ! – гаркнул в ответ Алексей и ринулся в атаку.

– Есть! – крикнул ему вслед Петр и достал из кармана маску. Вытряхнув из нее крошки и табак, ловкими движениями завязал тесемки на затылке.

– И кто придумал эти маски? Чувствую себя уткой. Чего трясешься, Васютков? В бой, солдат!

– Смеетесь все, Ваше благородие, – Васютков выбрался из траншеи вслед за Петром и, прижимая винтовку к плечу, заметил: – Вот умрем сегодня...

Раздалась выстрелы, немцы пошли в наступление.

– Не сегодня, Васютков, не в этом бою, – подмигнул ему Петр и, прицелившись, выстрелил во врага.

Облака дыма от газа и от выпущенных пуль. Лица солдат потели в неудобных противогазах, пот слепил глаза. Все смешалось. Уже не понятно было, где враг, а где свой. Двое солдат, перепутав, закололи штыками своих вчерашних друзей. Пулеметная очередь заглушала крики и стоны умирающих. Брошенные гранаты калечили и убивали десятками. Тот, кто еще пару часов назад крепко спал в окопах, лежал сейчас на развороченной земле и смотрел остановившимся взглядом в небо. На проволочных ограждениях висели тела, словно тряпичные куклы...

Шла Первая мировая война.

– Петр, проверь, что с пулеметчиком! – крикнул капитан поручику.

Только сейчас Зуев заметил, что артиллерия молчит, и кинулся к окопам.

Как он и предполагал, Петр увидел пулеметчика с аккуратной дыркой во лбу.

– Прости, дорогой, – пробормотал он уже покойнику и сдвинул труп в сторону. Зарядив пулеметную ленту, Петр стал выпускать одну очередь за другой. Марлевая маска мешала целиться, в отчаянии Петр содрал ее с лица и неожиданно глубоко вдохнул.

Закружилась голова, резко заболело в груди. Пересилив себя, Петр продолжал обстреливать немцев.

Вдруг резкая боль пронзила руку, из плеча хлынула кровь, забрызгав лицо. Поручик обтер глаза и вновь схватился за пулемет, но в ту же минуту неведомая сила отбросила его назад.

Оглушенный ударом гранаты, Петр лежал в окопе. Ему казалось, что все стихло, звуки отдалились, голоса притихли.

Он с удивлением увидел перед собой озабоченное лицо капитана.

– Петр, живой? – услышал он далекий голос.

Алексей накрыл лицо Петра влажным полотенцем и начал что-то говорить. Голос его становился все тише и тише, а затем совсем стих.

– Осторожней грузите, не коробки с консервами вам это, люди раненые!

– Как же, господин капитан, мы ведь и так аккуратненько. Тяжелы только вот солдатики ваши. Этих куда оформлять?

Петр открыл глаза и застонал:

– Рука...

– Рука не сердце, Петр, выживешь! – над Петром появилось довольное лицо Алексея. Капитан присел у носилок, на которых лежал поручик, и улыбнулся. – Эк тебя угораздило. Думал, все, потеряли братца Зуева.

– Как прошло-то все?

– Отстояли! – махнул устало рукой капитан. – Потерь много, оружие на исходе, но ничего, выстояли.

– Солдат там был, – слабо проговорил Петр, – Васютков фамилия. С ним что?

– Живой твой Васютков, – Алексей закурил и протянул слабому Петру затянуться. – И ты поправляйся.

– Мне бы в Петроград, – поручик закашлял, – там Анна в госпитале.

– С ума сойти можно! – Алексей поперхнулся дымом. – Что ребенок делает в столице?

– Сестрой милосердия там состоит, и она уже давно не ребенок. Анне двадцать.

– Ну в Петроград, так в Петроград, – махнул рукой Горин и обратился к фельдшеру, который занимался погрузкой раненых в грузовые машины: – Оформляйте.

Глава 2

Петроград. Июнь 1916 г.

– Профессор говорит, что с легкими уже все в полном порядке, но все же не кури так часто, – Анна с укором посмотрела на лежащего в больничной койке брата и поставила на тумбочку банку, служившую пепельницей. – По дороге тебя растрясло сильно, да и ухода соответствующего не было, вот и болят раны постоянно.

Петр с наслаждением закурил и с непривычки закашлялся. Почти два месяца без сознания, постоянная боль в груди и руке. Нескончаемый шум в голове и ночные кошмары мучили поручика. Поправлялся он медленно, чем вызывал беспокойство сестры и доктора.

Анна не отходила от брата ни на минуту. Пренебрегая своими прямыми обязанностями, она сидела около Петра, мечтая только об одном: чтобы он поскорее открыл глаза и попросил закурить. Брат курил много. Вечная папироса в губах – таков неизменный портрет Петра Зуева.

– Ну дома-то что? – откашлявшись, спросил поручик.

– Все хорошо. Восемь жеребят за весну. Игнат опять в запое, так что делами занимается папа. Зоя по дому хлопочет, ходит за папой по пятам с микстурами, чтобы он ненароком не забыл их принять. Я верю Зое только потому, что она присматривает за папой, а я могу быть здесь, – Анна встала и открыла форточку. – Аля недавно посетила Петроград, были в Мариинском, обалдели от Кшесинской...

Петр с усилием затушил папиросу.

– Надеюсь, Александра Михайловна в добром здравии?

– Вполне, – Анна поправила подушку и невольно задела раненую руку брата.

– Ой! Больно.

– Прости, – испугалась Анна и тут же вспыхнула: – А Але не больно, Петя? За два года ни одного письма, как будто нет ее на свете!

– Не думаю, что графине интересны военные новости. Принеси мне бумагу, отцу написать хочу. Я диктовать буду, а вы, милая сестрица, – писать.

Анна сделала рожицу брату и вышла из палаты.

По широкому коридору бродили больные, держа на весу раненые конечности. С перемотанными головами, они находили в себе силы выйти на воздух и, придерживаемые сестрами, прогуляться по парку.

– Интерес к жизни – это одно из важнейших и самых действенных лекарств на свете! – поднимая вверх указательный палец, говорил профессор Свешников, заведующий госпиталем на Невском. Госпиталь находился под патронажем императрицы. Постоянные проверки, инспекции и посещения царственных особ уже вызывали у персонала нервный тик, а у профессора – бессонницу.

Анна подошла к посту дежурной медсестры и, улыбнувшись, попросила пару листов бумаги.

– Как брат ваш? – поинтересовалась дежурная. – Пришел в себя?

Анна радостно кивнула.

В начале коридора послышались бодрые шаги, Анна удивленно обернулась. Эти коридоры знали лишь тихое шарканье ног пациентов, мягкую поступь сестер и стук каблучков императрицы и великих княжон.

Мужчина в военной форме остановил пробегающую мимо молоденькую сестру милосердия:

– Не подскажете, в какой палате находится поручик Зуев Петр Васильевич?

– Прямо по коридору, в восемнадцатой, – смутившись, ответила та и, присев в реверансе, побежала дальше.

Анна прижала к себе чистые листы и широко раскрытыми глазами смотрела, как приближается Алексей.

Поравнявшись с ней, капитан слегка поклонился и прошел мимо. Отойдя на пару шагов, он резко обернулся и вернулся к застывшей Анне.

– Анна? – недоуменно спросил он.

– Ну вот, Алексей Константинович, вы даже не узнали меня, – Анна с удовольствием заметила, что голос ее спокоен и ровен, хотя ей всегда казалось, что если она когда-нибудь вновь встретит Алексея, то онемееет от волнения.

– Простите мне мою оплошность, но у меня были все основания не узнать вас. Вы были маленькой синеглазой девчонкой, а сейчас очаровательная женщина!

Алексей удивленно рассматривал Анну. Ему было непривычно и неловко видеть ее красивое женское лицо с алыми губами и огромными глазами, обрамленными пушистыми ресницами. Он помнил ее худенькой бледной девчушкой, постоянно утирающей красный распухший нос и преданно смотрящей на него.

– Вы к Петру? Очень удачное время, сегодня он окончательно пришел в себя. Угрозы больше нет, только отдых и должный уход, – Анна смутилась под внимательным взглядом Алексея и поспешила проводить его до палаты брата. – Не утомляйте его слишком. Петр много говорил о вас, он будет очень рад.

Алексей козырнул девушке и вошел в палату. Там моментально раздались возгласы и приветствия, из-под щели внизу двери потянуло дымом.

Анна усмехнулась и, все так же держа бумагу в руках, прислонилась спиной к стене.

Пусть взорвется бомба, налетит ураган, произойдет цунами. Нет, никакие силы не заставят ее сдвинуться с этого места! Всего какие-то пара метров отделяют ее от Алексея. Она обязательно дождетя, пока он выйдет. Хотя бы для того, чтобы увидеть его еще раз, еще пару минут поговорить с ним, пройти рядом, почувствовать запах его одеколона...

Сколько Анна себя помнила, в их доме все говорили об Алексее. Старший брат Феликс, выпучив глаза, с жаром рассказывал, как они с Лешкой лазали по крышам многоэтажных домов, как дрались на деревянных саблях. Петр постоянно приводил в пример Алексея.

– Вот Алексей так говорит... Леша не ест манку, и я тоже не буду. Он поступил в Николаевское училище, и я туда пойду...

Алексей приходился сыном подруги матери Анны. Жили они в Петербурге в огромной квартире. Отец Алексея умер, когда он был еще маленьким. Братья Зуевы часто навещали столичных друзей, а Анна в силу своего малого возраста оставалась в Воронеже на попечении няни и отца.

Анастасия Григорьевна, мать Анны, всегда возвращалась из поездки радостно возбужденной, прикрикивая на своих расшалившихся сыновей и погоняя отца, который мешкал с огромными коробками, наполненными новыми нарядами, французским бельем и безумными шляпками.

Впервые Алексея Анна увидела на похоронах своей матери. Девочке тогда исполнилось девять лет, и она, несмотря на горе, свалившееся на ее хрупкие детские плечи, с любопытством рассматривала гостя.

Алексей тогда был выпускником военного училища. Нежно придерживая под локоть свою маленькую мать, он с грустью смотрел на почерневших от переживаний друзей. Феликс – одноклассник Алексея – держался отлично, он смело взял на себя все заботы о похоронах и угощениях для прибывших проститься с покойницей. Лишь бледное лицо выдавало его душевное переживание и боль. Пятнадцатилетний Петр тихо всхлипывал, но, наткнувшись на суровый взгляд старшего брата, выпрямлял спину и старался держаться, как говорил Феликс, «орлом».

У отца Анны после смерти матери случился сердечный приступ. Наскоро вызванный доктор прописал ему покой и микстуры. Но никакого покоя, конечно же, не было.

Вот и прошло погребение. Печальная процессия молча двинулась в сторону дома, чтобы помянуть усопшую и поговорить о том, какой она была. Никому не нужные слова и бесполезная суета...

Анне не хотелось возвращаться домой, где все напоминало о маме. И где все будут жалеть маленькую девочку, гладить ее по кудрявой голове и прижимать свои пахнущие парфюмом щеки к ее заплаканному личику.

Утирая слезы, она молча побрела в сторону леса, постоянно проваливаясь в сугробы и падая от слабости.

Вдруг рядом послышалось ржание. Анна подняла голову и увидела Алексея верхом на коне.

Молодой мужчина, не спешиваясь, протянул ей руку.

Сама не зная почему, она вложила свою детскую ладонь в его и моментально оказалась в седле.

Алексей обхватил девочку руками и, пришпорив коня, поехал в сторону проселочной дороги.

От скорости и холода у Анны перехватывало дыхание. Она боялась пошевелинуться и свалиться с лошади. И боялась что-либо спросить у этого сильного красивого мужчины. В ушах свистел ветер, лицо царапали мелкие льдинки, взлетающие из-под копыт коня. Мимо вихрем проносились лес, одиноко стоящие дома, заснеженное белоснежное поле...

– Тпру! – лошадь остановилась у реки, выпуская из ноздрей облака горячего пара.

Алексей спешил и, подхватив Анну, опустил ее на землю.

Река со странным названием Гусь пенилась и бурлила. Мощный поток ревел, и лишь по краям у самых берегов вода уже покрылась тонким слоем льда.

Алексей спустился к реке и, присев на корточки, потрогал воду.

– Когда мне плохо, я всегда гоню коня во весь опор. Скорость помогает забыть о переживаниях, – он обернулся к одиноко стоящей на берегу девочке. – Вода – источник и гробница всего сущего во вселенной. Скорость будоражит, мысли бегут все быстрее и быстрее. Вода же успокоит и уравновесит душу.

Анна расплакалась.

– Ваша мама не умерла, Анна, она продолжает жить. В вас, в ваших братьях, в душе вашего отца. Слова это не новые и не мною сказанные, но они верны, как верно и то, что Анастасия Григорьевна смотрит сейчас на вас с небес и печалится. Ей грустно оттого, что она так рано покинула вас и что вы все огорчены этим. Улыбнитесь, улыбайтесь чаще, и она будет улыбаться вам.

Анна еще громче зарыдала. Алексей достал из кармана платок и, приподняв за подбородок лицо девочки, вытер ей глаза. Нос некрасиво распух, глаза превратились в щелки.

– Плакать надо, слезы – вода. А вода успокаивает.

– А вы, вы тоже плачете? – икнув, спросила Анна.

– Конечно, – серьезно ответил Алексей, продолжая утирать слезы девочки. – Только я по-мужски плачу, в душе.

– Это как?

– Это тяжело, Анна, лучше уж слезами, – улыбнулся он и прижал к себе вздрагивающую от холода и нервного перенапряжения девочку.

С этого дня Алексей прочно занял свое место в мыслях Анны. Перед сном, стоя на коленях перед иконой, она вспоминала о нем. Просила Господа оберегать его от злых людей, от войны, от болезней. Оглянувшись на дверь и убедившись, что никто не подслушивает, просила Бога, чтобы Алексей полюбил ее, чтобы женился, конечно, не сейчас, а позже, когда Анна достигнет нужного возраста. Потом, испугавшись своих просьб, девочка вскакивала с колен, прыгала в кровать и, прижав одеяло к груди, вновь и вновь вспоминала прикосновение его теп-

лой руки к своей ледяной щеке. Но шло время, Горин больше в Зуеве не появлялся. Девочка постепенно превратилась в девушку со стройной фигурой. Служили братья, поправлялся отец. Времена года сменяли друг друга, летели годы, время текло своим чередом.

Все реже и реже вспоминала теперь Анна высокого темноволосого молодого офицера, говорившего с ней таким теплым и ласковым голосом.

И вот однажды отец повез ее в Петербург. Он решил, что пора показать девочке столицу и познакомить с искусством.

В театре тогда давали «Три сестры». Отец провел Анну в ложу и, заметив старого знакомого, на минуту вышел.

Первое время Анна наблюдала за актерами на сцене. Постановка оказалась скучной, и девушка, вооружившись маленьким биноклем, стала с интересом рассматривать публику. Разглядывая наряды столичных дам, Анна поняла, что выглядит деревенщиной в своем синем слишком закрытом платье с глупой лентой в волосах.

Тут она заметила очень красивую женщину в ложе справа. Дама была в нежно-розовом платье с откровенным декольте, шею обвивала длинная жемчужная нить. В белоснежных идеально уложенных волосах поблескивала бриллиантовая заколка.

Анне стало любопытно, кто же ее кавалер. Прижимая бинокль к глазам, она подалась вперед, пытаясь разглядеть спутника, и в ужасе отпрянула назад. Нежно целуя ручку дамы, рядом с ней сидел Алексей. Даже с такого расстояния было заметно, что он без ума от своей спутницы.

С каким-то мазохистским упорством Анна опять поднесла бинокль к глазам. Дама ее теперь не интересовала. Только он.

Как же он был красив! В парадном белом мундире, так выгодно оттеняющем загорелое лицо. Идеально ровная линия волос у висков, белоснежная улыбка, крепкие губы и темные карие глаза.

Как же сильно забилося тогда сердце в маленькой девичьей груди! Анне казалось, что его стук слышен во всем зале. Кровь прилила к лицу, и, чувствуя, как пылают шея и щеки, девушка глубоко вздохнула и откинулась на спинку стула.

Проревел свисток об окончании первого акта.

В перерыве Анна не вышла в буфет, солгав отцу, что не желает пропустить начало второго акта. После антракта Алексей и его дама в ложу не вернулись.

Дверь открылась. Капитан вышел из палаты и наткнулся на поджидавшую его Анну. На секунду оба от неожиданности замерли, а потом рассмеялись.

– Вы подслушивали! – догадался Алексей.

– Нет, – слишком быстро ответила Анна, – просто пыталась по дыму сосчитать, сколько выкурили папирос.

Алексей рассмеялся.

– Петр отлично себя чувствует! Признаться, я ожидал худшего, много газов попало ему в легкие, – заметил капитан, направляясь к выходу.

Анна медленно шла рядом.

– Месяц, и думаю, что он снова будет в строю.

Девушка резко остановилась и схватила Алексея за руку:

– Прошу вас, не забирайте Петю так скоро, папа хотел бы навестить его. Дела в Зуеве пока не позволяют ему покинуть имение, а Игнат, наш управляющий, опять запил. Алексей смотрел на взволнованную девушку. Слова, особенно об управляющем, немного озадачили его. Ее ладонь приятно холодила его руку. Капитан поднес вздрагивающие пальцы к губам:

– Конечно.

Они вышли из госпиталя, пропустив вперед рабочих, которые несли стулья и провода с электрическими гирляндами.

– У вас какое-то мероприятие? – полюбопытствовал Алексей, разглядывая круглую эстраду-«ракушку» в глубине парка.

– Да, вечер в честь Брусиловского прорыва. Будут артисты из Москвы, оркестр. Сама княгиня Желицкая будет петь романсы под гитару. Вы придете? – Анна замерла, ожидая ответ. Скажи «да», господа, скажи «да»! И я буду с нетерпением ожидать вечера, взволнованно озираться по сторонам, искать среди присутствующих тебя, и сердце будет так томительно биться. Я буду ждать только тебя, и об этом никто не будет знать, и никто не догадается, даже ты. Потому что я умею притворяться и казаться безразличной тогда, когда все бурлит в груди.

– Разве я могу пропустить выступление княгини? Если не услышу ее пения, то мне останется только застрелиться! – со смехом ответил Алексей.

Наступил теплый июльский вечер.

По периметру госпиталя зажгли фонари, эстраду украшали развешанные гирлянды. Слышались смех сестер и разговоры солдат. Болтали о разном: о доме, родителях и женах, Брусилове, войне и слишком жарком июне. Профессор Свешников с озабоченным видом переходил от одной группы беседующих к другой, интересовался, все ли в порядке, не тревожат ли раны, не слишком ли шумно. Больные с улыбками заверяли его в своем прекрасном самочувствии и возвращались к прерванной теме.

Анна усадила Петра на свободный стул у эстрады и осмотрела окружающих. У некоторых были еще перевязаны раны, кто-то опирался на костыли, а те, кто громче всех смеялся и о чем-то спорил, уже завтра могли отправиться на фронт.

Девушка грустно улыбнулась. Пусть веселятся и шутят, пусть беспрестанно курят и подшучивают над неповоротливой сестрой Акулиной. Сегодня их праздник, и пусть не они сражались под Галицией, сегодня – триумф русского солдата.

Под аплодисменты на сцену вышла худощавая женщина с высокой прической, княгиня Желицкая. И, изящно обняв гитару, ошеломила всех своим сильным и проникновенным голосом.

Анна подошла поближе к эстраде и увидела его.

Алексей, поприветствовав профессора, подошел к Петру и о чем-то его спросил. Затем обернулся и встретился взглядом с Анной.

Тем временем княгиня, воодушевившись всеобщим вниманием и наступившей тишиной, продолжала петь.

И взяв более высокую ноту:

Закончив выступление, певица улыбнулась и сделала глубокий реверанс. Как по мановению волшебной палочки, грянули аплодисменты.

Княгиню сменили музыканты, занявшие свои места у инструментов. Слишком полный дирижер, чопорно поклонившись, провозгласил:

– Вальс.

И, повернувшись к музыкантам, взмахнул рукой.

Зазвучал немного забытый избалованной столицей старинный русский вальс.

Анна неотрывно смотрела, как Алексей вновь что-то сказал Петру, поправил мундир и направился к ней.

Она улыбнулась, глядя, как капитан пробирается через расставленные стулья, постоянно извиняясь перед сидящими.

Навстречу ему поднялся пожилой полковник и, тяжело опираясь на костыли, о чем-то взволнованно заговорил. Алексей, то и дело поглядывая на Анну, кивал в такт словам полковника и потом быстро пожал ему руку. И вот, наконец, он рядом. Анна рассмеялась.

– Путь к вам, Анна Васильевна, оказался долог и тернист, но он того стоил. Вы позволите? – он протянул Анне руку, приглашая.

Девушка вложила свою ладонь в его руку и позволила провести себя на площадку у эстрады, где уже вальсировали несколько пар.

Повернувшись лицом к Алексею, она почувствовала тепло его руки на своей талии и, положив свою левую руку ему на плечо, немного отклонилась назад, как того требовали правила приличия.

Поначалу они выполняли тройное па, но вот ритм мелодии ускорился, меняя темп танцующих. Алексей, неотрывно глядя Анне в глаза, вел девушку по кругу. Анна улыбалась, она чувствовала, как с возрастающим темпом музыки бешено бьется ее сердце.

Какая-то танцующая рядом пара задела их, но Анна не обратила на это никакого внимания. Она видела только карие, обрамленные прямыми темными ресницами глаза.

Круг, поворот. Еще. Еще.

Все, маски сброшены, нелепо притворяться. Анна понимала, что любит этого человека, как и прежде. Нет, больше, чем прежде! Еще круг, опять поворот. На мгновение она ощутила на своем виске его дыхание.

Еще поворот, еще, еще. Девушка почувствовала, как Алексей крепче сжал ее руку.

Еще поворот, старинное двойное па, тройное. Поворот...

Господи, пусть это не прекращается. Благослови того, кто придумал этот танец, эту игру эмоций, которые невозможно описать словами, но можно выразить, соприкоснувшись кончиками пальцев.

Деревья больничного парка утопали в полусумерках белых ночей. В кустах громко и настойчиво стрекотали сверчки, напоминая о том, что уже давно ночь. Вдоль выложенных каменных дорожек выстроились фонарные столбы, освещая и без того светлый парк.

Алексей не приглашал Анну пройтись, Анна не давала согласия, но по какой-то негласной договоренности они направились к пустынным каменным дорожкам.

Анна искоса взглянула на капитана и, вспомнив их танец, улыбнулась.

– Вам понравился романс, который исполняла княгиня? Слова написала моя подруга – графиня Шувалова Александра, Аля.

– У вашей подруги определенно талант, – вежливо согласился Алексей, абсолютно не помнивший, что именно напевала певица со сцены.

– Вы правы, Аля талантлива. Ее талант раскрыла ее любовь. Все свои стихи она посвящает только одному человеку.

– И кто же этот счастливчик?

– Вы лицезрели его пару минут назад, – Анна обошла Алексея и, идя спиной вперед, рассмеялась. – У вас такое лицо, Алексей Константинович, будто я сказала вам что-то страшное.

– Нет, просто я вспоминаю, с кем болтал недавно. Старого полковника я вычеркиваю сразу, думаю, профессора тоже. Неужели Петр?

– Да, просто он ничего не замечает вокруг. Или делает вид, что не замечает.

– Так это что же, безответная любовь? – Алексей остановился и достал портсигар.

– Ответная и даже очень! Просто глупость разрушила сильные чувства...

– Так что же произошло? – Алексей закурил, и Анна с наслаждением вдохнула запах. Аромат табака напоминал ей о братьях, отце, доме и семейных вечерах, когда они собирались все вместе за игрой в карты и мужчины закуривали. Анна морщилась тогда и прикрывала нос, глупая. Сейчас это был запах ее братьев, которые сражались на войне, запах отца, который гордился своими детьми и горевал, что в силу своей хромоты так рано ушел на пенсию.

– Эх, – часто говорил он, – вернуть бы ноге былую быстроту, я бы сейчас на коня, пашку наголо и вперед!

Анна сорвала веточку с куста и задумчиво покрутила ее:

– Алексей Константинович, а вот вы как думаете, что такое любовь?

Алексей от неожиданности поперхнулся дымом и, немного смутившись под пытливым взглядом девушки, пробурчал:

– Ну, наверное, это когда не хочешь расставаться с тем, с кем тебе хорошо и легко. Когда думаешь об этом человеке каждую минуту и жаждешь встречи с ним.

– Как по-мужски и как примитивно, – Анна склонила голову набок и улыбнулась.

– Любовь – это вспышка молнии, удар грома. Это когда плохое кажется чудесным только потому, что он рядом. Когда недостатки превращаются в достоинства, когда обожаешь его не за что-то, а вопреки всему. Как так случилось, что два человека, знающие друг друга с детства, еще вчера беззаботно смеялись, купаясь в речке, обливая друг друга водой и кидаясь глиной, встретившись сегодня, смущенно прячут глаза и заливаются краской? Вчера друг детства, сегодня тот, от взгляда которого кружится голова и томно сжимается сердце. Примерно так произошло с Петром и Алей. Вы бы видели, как они были ошарашены тем, что полюбили друг друга! – Анна весело рассмеялась. Ее голос звонко звучал в тиши полусумрачного парка. Слышались звуки концерта, по-видимому, выступали артисты, а в промежутках тишины грохотали раскаты смеха.

Алексее было приятно слушать Анну, приятно было смотреть на ее раскрасневшееся лицо, на тонкую фигурку в платье больничной медсестры.

– Все шло к помолвке, – продолжала сплетничать Анна, – и вот однажды у графа Котова был прием, Аля и Петр были среди приглашенных. За столом Петя оказался рядом с вдовой генерала Мушева, та еще дамочка, я вам скажу! Так вот, за обедом вдова обронила платок и алчно улыбнулась Петру. Брат как истинный джентльмен поднял его и вернул вдове. И заметил взбешенный взгляд Али, сидевшей напротив. Потом был бал, Петр было подошел к Але, но она уже приняла приглашение князя Сдежского, потом какого-то капитана, я уже и не помню. Итог такой: насладившись мстостью, в конце вечера Аля подошла к Петру и, беззаботно помахивая веером, спросила, не угодно ли Петру ее проводить. На что изведенный ревностью брат ответил, что уже обещал госпоже Мушевой сопроводить ее до квартиры.

Анна замолчала.

– Ну и что же потом? – спросил Алексей, приравниваясь к шагу девушки, которая вдруг задумалась и медленно побрела по дорожке.

– Потом война.

– Тогда вы не правы, Анна, – заметил Алексей.

– В чем же?

– Когда говорили о сильном чувстве. Разве может глупая ревность, тем более какая-то вдова генерала, разрушить истинные чувства? Если это любовь, то ей ничто не угрожает. Вот увидите, закончится война, Петр вернется в Зуево и будут они жить с вашей подругой долго и счастливо.

Анна резко остановилась и прямо посмотрела на Алексея.

Капитан чувствовал, что она хочет что-то спросить или сказать, но не решается. Он молча разглядывал девушку. Анна не была красивой в принятом смысле этого слова. Она не обладала пухлыми зовущими губами, которые так и манят к себе, не имела персикового румянца и глаз-озер. Не обладала она и роскошными формами. Ее тоненькая фигура утопала в грубом платье медсестры, платок прятал волосы, открывая чистый лоб и широкие брови, ясные глаза, обрамленные пушистыми ресницами, лучились теплотой и лаской. Щеки покрывала аристократическая бледность, на висках просвечивали тонкие узоры голубых вен. Но почему же он, Алексей, не может отвести глаз от этих белых рук с тонкими длинными пальцами, от этой гладкой девичьей шеи и нежных мочек маленьких ушек?

– Ваши милые кудряшки, куда же они пропали? – улыбнувшись, спросил он после затянувшегося молчания.

Анна рассмеялась и сняла с головы косынку. На хрупкие плечи упали темные тяжелые блестящие кудри.

– Милая Анна! Когда же вы успели превратиться в столь прекрасную особу? Кажется, еще вчера вы были кучерявым ребенком с шмыгающим носом.

– Если бы вы только знали, Алексей Константинович, как этот ребенок был в вас влюблен.

– Да? – искренне удивился капитан, – как жаль, что я этого не знал.

– И что бы сделали, если бы знали? – игриво спросила Анна, широко улыбаясь.

– Смирненно дожидался бы вашего совершеннолетия, чтобы на коленях просить у генерала Зуева вашей руки, – серьезно ответил Алексей.

Вдали послышался гудок поезда. Словно очнувшись, капитан посмотрел на свои наручные часы:

– Мне пора, – сказал он затихшей Анне, – мой поезд через час.

– Да, – вдруг погрузилась девушка, – Петр говорил, вы едете в Сербию и, возможно, встретитесь с Феликсом. Вот, передайте ему, пожалуйста.

Анна достала из кармана передника голубой конверт и протянула Алексею. На мгновение их пальцы соприкоснулись. Анна подняла глаза и встретилась взглядом с Алексеем.

– Конечно, – Алексей поднес ее руку к губам. – До свидания, Анна.

– Вы не прощаетесь с Петром?

«Еще пару минут, почему так скоро ты спешишь в дорогу? Неужели война так и будет разлучать людей, коверкать судьбы? Словно огромный уродливый корабль, она проплывает вдоль реки, отбрасывая тех, кто был еще недавно рядом, по разным берегам. И неизвестно, как долго еще будут набегать волны, отталкивая тех, кто спешно плывет друг к другу...» – проносились мысли в голове Анны.

– Я уже попрощался. Мне действительно пора.

Ну вот и все. Ушел он, ушло и волшебство этого вечера. Уже не хочется оглядываться по сторонам, потому что его здесь нет. Как же она жила вчера? Неинтересно, обыденно и размеренно. И как чудесно все было сегодня: встреча, умопомрачительный танец и его слова: «Смирненно дожидаться совершеннолетия». От этого воспоминания у Анны закружилась голова. Убедившись, что ее никто не видит, она повторила несколько па из вальса.. Легкий ветерок обдувал ее разгоряченное лицо. Прижав руку, которую он целовал, к щеке, Анна почувствовала запах одеколона Алексея.

Яркий свет фонаря привлек внимание ночной белокрылой бабочки. Взметнув широкими крыльями, она устремилась на желтый манящий свет. Быстрее, быстрее. Еще пару мгновений, и можно прижаться к этому яркому солнцу, такому горячему, что с треском лопаются тонкие крылья...

Анна смотрела, как глупая бабочка упала на землю.

Настроение испортилось. Завязав косынку, девушка твердым шагом вернулась в больницу, где ждали пациенты, суетливый профессор, Петр, повседневные обязанности. И повседневная жизнь.

– Нас с тобою война соединила,
Нас с тобою война развела,
Но верь, и знай, и знай, любимый,
Я буду ждать тебя всегда.

– Пройдут война и годы-расстояния,
Пройдет и грусть-печаль моя.
Но только знай и помни, мой хороший,
Что не пройдет любовь моя.

Глава 3

– Луцк, Ваше высокоблагородие, – отрапортовал проводник, открыв дверь купе Алексея. – Скоро граница.

– Спасибо, – лениво ответил капитан, который лежал на кровати, закинув руки за голову.

Мирно стуча колесами, поезд уносил его на юг. Алексей любил поезда. Любил слушать, как свистит гудок, как громыхают составы на вокзалах, как выпускаются огромные клубы пара из труб. Если бы он не стал военным, то наверняка пошел бы в машинисты. Капитан прикрыл глаза и попытался уснуть.

– Каждый мужчина должен жить во имя Родины, служить ей, защищать. И служить хозяйину земли русской – царю. У тебя есть две матери: та, которая родила, и Россия. И есть два отца: тот, кто воспитал, и царь. Царь может быть ленив, может любить выпить, может быть в чем-то не прав, но он избранник Господа нашего, и потому верен ему должен быть каждый, как верен Богу.

Каждое утро за завтраком мама Алексея, Татьяна Дмитриевна, напоминала ему об этом, помешивая крохотной ложечкой сахар в белоснежной кружке. Всегда красивая, немного грустная, она с жалостью поглядывала на маленького Лешу, который с удовольствием откусывал от огромной булки. Мальчик, широко раскрыв глаза, с набитым ртом слушал ее рассказы о великих полководцах, генералах, которые сражались в, казалось бы, неравных боях и побеждали, прославляя своего царя и свою Родину.

Такие же слова повторяла ему и старенькая няня перед сном. Ее мирный шепот часто прерывал скандал в соседней комнате. Прикрывая уши мальчика морщинистыми руками, она тихонько читала молитву и крестила заплаканного Лешу. Когда крики матери и громкий голос отца стихали, няня продолжала свои рассказы о долге перед Отчизной и императором.

– Лишь помазанник Божий может править православной страной, помни об этом и беспрекословно подчиняйся отцу своему истинному – царю, – няня целовала засыпающего мальчика в лоб и горестно вздыхала.

К тому, что родители постоянно ругаются, мальчик давно привык. Скандалы вспыхивали каждый вечер. Высокий седовласый отец, служивший адвокатом, переступал порог квартиры, съедал свой ужин и кидался с кулаками на мать.

В четыре года Алексей начал понимать, что причиной ссор является он сам. Отец никогда не бил мальчика, не повышал голос, но и... не радовался ребенку. Стоило только Леше выйти из комнаты, как Константин Константинович молча поднимался и уходил в свой кабинет.

Умерла няня, и уже некому было читать над мальчиком молитву во время скандалов и прикрывать ему уши.

– Не могу, не могу смотреть, как он ходит здесь, – кричал пьяный отец в соседней комнате, – отправь его к родне подальше.

– Но ты же обещал, – сквозь слезы кричала в ответ мать, – что примешь его!

– Имя дал, но нет сил видеть его каждый день. Мало того, что я служу ему, так еще и воспитываю его ребенка! – и вновь крик, глухие удары и рыдания матери.

Алеша не понимал смысла слов отца, но старался не показываться ему лишним раз на глаза. Маленький мальчик стал потихоньку ненавидеть того, кто возвращался лишь поздно вечером и бил его добрую маму.

Обычно утром к Алексею приходил учитель немецкого господин Швитке, после обеда – преподаватель французского и русского языков. Мальчик повторял выученные слова и глаголы, с опаской поглядывая на часы, стрелки которых стремительно приближались к восьми вечера. Скоро ввалится в квартиру отец и надо будет прятаться, сжимать в бессилии маленькие кулаки и молча заливаться слезами.

Иногда он любил разглядывать фотоальбомы матери. До замужества она была прима-балериной Мариинского театра, ослепляла своей красотой и грацией светскую публику. Няня часто говорила, что ей рукоплескали сам император Александр III и его высокомерная жена. Любуясь молодой, красивой и явно счастливой матерью, Алексей не мог понять, что могло ее привлечь в грубом адвокате, который был намного старше ее.

И вот однажды случилось неожиданное. Было какое-то торжество в Зимнем дворце, Алексей так и не понял, в честь чего давали прием. Чета Гориных была в числе приглашенных, с раннего утра мама была чересчур возбуждена, подбегала к зеркалу, сжимала в волнении щеки и никак не могла решить, какое лучше надеть платье: ярко-голубое с глубоким декольте, только вчера доставленное от модистки, или же светло-серое с кружевной оторочкой, которое так молодит ее. Отец тоже вел себя необычно. В этот день он не отправился на службу, а за обедом преподнес мальчику огромный корабль с деревянной мачтой и белыми парусами. Горничная Даша, сдувая со лба челку, начищала бриллиантовые запонки старшего Горина и любовалась жемчужным ожерельем госпожи. Родители даже пару раз улыбнулись друг другу, столкнувшись в комнате. Суэта продлилась до вечера. Потом хлопнула входная дверь, разряженные мать с отцом уселись в поджидающий их экипаж и отбыли в Зимний дворец.

Обалдевший от такого необычного дня, Алексей повалился на кровать и крепко заснул.

Среди ночи его разбудили мерные удары за стеной. Как будто кто-то чем-то тяжелым толкал стену.

Протирая заспанные глаза, Алексей вышел в столовую и увидел, как отец бьет ногами скорчившуюся на полу маму. Необычным было то, что мама молча сносила удары, из ее глаз даже не текли слезы.

– Тварь, как ты смотрела на него! Я чуть со стыда не провалился. Кошка похотливая, как улыбалась... Думаешь, никто ничего не понял? Да в меня весь вечер все пальцами тыкали. Я тебя придушу и пацана твоего! У нас же все только начало налаживаться. Не могу, Татьяна, я больше! – продолжая наносить удары, кричал отец.

Алексей поднял с пола трость и, чувствуя, как в нем закипает гнев, двинулся в сторону родителей.

– Если ты еще раз тронешь мою мать, то я убью тебя! – крикнул он, чувствуя, как позорно сползают пижамные штанишки, на которых была слишком слабая резинка. Подтянув их, он широко расставил ноги.

– Ты? – глаза отца налились кровью. – Да как ты смеешь?

– Не тронь! – в отчаянии закричала мать. Тяжело поднявшись на ноги, она ринулась в сторону сына и загородила его. Платье ее было изодрано, из губы сочилась кровь. Было заметно, что ей стоит невероятных усилий стоять на ногах. – Меня убей, изрежь, изуродуй. Алексея не тронь. Хоть волос с его головы упадет, и я все расскажу Ему.

Кому именно и что скажет, Татьяна Дмитриевна не уточнила, но ее слова подействовали на мужа магически.

Скривившись от гнева, он остановился перед Алексеем, нависнув над дрожащим мальчиком. Кулаки его разжимались и сжимались. Неожиданно он отступил и повалился на стул. Потом с трудом поднялся и, шатаясь, молча ушел к себе в спальню.

Мама Алексея обернулась к мальчику и, упав на колени, обняла его.

Леша выронил из рук трость и потерял сознание. Ему тогда исполнилось шесть лет.

Этой ночью Горин Константин Константинович умер от сердечного приступа.

Алексей был ошарашен тем, что мама искренне оплакивала кончину супруга.

– Почему ты плачешь, – спросил он у облаченной во все черное матери, – ведь он бил тебя?

– Ах, как ты мал еще, Леша. Не понимаешь... Заслужила я те тумачи, ой как заслужила. Твой отец меня от позора спас, тебя воспитывал, как мог. Если бы не Константин, где бы мы были сейчас?

Все плохое быстро забывается. Забылся и отец. Алексей начал спокойно спать, мама переделала все в квартире на новый лад. Купила фортепьяно, у распахнутых окон повесила клетки с канарейками. Посередине столовой разместили огромную игрушечную железную дорогу, и теперь бывшая балерина по вечерам играла с сыном, заправски гудя в свисток.

Именно тогда и начала ее навещать подруга по балетному училищу Анастасия Зуева с сыном Феликсом. Они жили в Воронежской губернии и приезжали к ним в гости. Мальчики моментально подружились, носились по огромной квартире, лазили по чердакам и шептались по ночам под одеялом.

Пока их матери бегали по модисткам и магазинам, Алексей и Феликс съедали огромное количество пирожных в кондитерских и радовались свободе.

Когда у Феликса родился брат Петр, мальчики сажали малыша в коляску и, маневрируя меж расставленных стульев, устраивали гонки под истошный визг горничной.

Шли годы. Алексею исполнилось одиннадцать. Много изменилось в их с матерью жизни. Из испуганного тихого мальчика Алексей превратился в уверенного симпатичного подростка. Они с мамой много гуляли, ходили смотреть балет и в театр, пили чай у распахнутых окон летом и катались на санках с горы зимой. Неизменной осталась дружба Леша и Феликса.

Тем летом Анастасия Григорьевна с сыновьями, как обычно, навестила столичную подругу.

Алексей схватил вошедшего в квартиру Феликса за руку и, загадочно улыбаясь, увлек за собой в комнату. Там он распахнул окно и, поманив друга, вылез наружу.

Феликс последовал за ним. К стене была приставлена узкая пожарная лестница. Быстро перебирая руками, мальчики взобрались на крышу. Отдышавшись, Алексей подал руку Феликсу. Они молча стояли и смотрели, как потревоженные их появлением голуби кружат над крышами домов.

Внизу гроыхали трамваи, ругались дворники, где-то плакал ребенок, у кого-то играл граммофон. В лучах заходящего солнца сверкал купол собора Архангела Михаила, из огромных труб металлургического завода валил тяжелый черный дым.

– Вот это да! – восхищенно присвистнул Феликс.

Алексей обернулся и улыбнулся другу.

В это время, громко напевая, по улице маршировали юнкера Елизаветинского военного училища. Их голоса разносились над городом. Молоденькие курсистки останавливались, чтобы проводить восхищенным взглядом парней. Из окон начали выглядывать жители домов: кто-то подпевал, другие просто махали руками.

– Есть ли профессия достойнее, чем Родину защищать? – спросил Алексей у Феликса. Ветер трепал ему волосы, длинная челка упала на лицо. Он нетерпеливым движением убрал волосы назад. – Не спорю, важно быть доктором или учителем, но, Феликс, жить и знать, что в твоих жилах течет кровь русского человека, христианина и встать на защиту Родины – не это ли смысл жизни?

Феликс восхищенно смотрел на друга:

– Куда ты, Лешка, туда и я.

Когда они вернулись в квартиру, то застали обиженного Петра и решили развлечь его игрой в прятки.

Смеясь, Алексей и Феликс забежали в кухню и спрятались в чулане.

Здесь хранились старые санки, швабры с ведрами, старая ненужная одежда в мешках.

Прикрыв дверь, мальчики затаились в надежде, что Петя их найдет нескоро и они успеют вволю наболтать. В щель в двери было видно, как в кухню вошли кухарка Люба и торговка

молоком – полная молодая женщина. Поставив бутылки на стол и выложив пакеты с творогом, она смотрела, как Люба отсчитывает оплату.

– Хозяйка-то твоя – любо посмотреть: помолодела, повеселела. Девица прям, – заметила торговка, пряча оплату в лиф.

– И не говори, – перекрестилась Люба, – как вдовой стала, так расцвела. До замужества, говорят, так вообще глаз не оторвать было: так хороша была.

И, оглянувшись по сторонам, зашептала, сделав огромные глаза:

– Говорят, сам император Николай, тогда еще цесаревич безусый был, хаживал к ней. Пацаненок-то, болтают, от него.

Алексей замер. Он посмотрел на Феликса, тяжело задышал и решительно распахнул дверь:

– Врешь, дура! Неправда это! Умер мой папка. Врешь, врешь!

Выкрикивая это, он кинулся на попятившуюся кухарку с кулаками:

– Не отец он мне! Дура!

На крики сбежались перепуганные Анастасия Григорьевна и мать Алексея.

Продолжая наступать на прислугу, Алексей пошатнулся и начал оседать на пол.

Вызванный срочно врач обнаружил у мальчика горячку и, прописав микстуры, развел руками:

– Молодой, скоро поправится. Если будут осложнения, то срочно посылайте за мной.

В бреду Алексей постоянно метался, пытался с кем-то драться, заливался слезами. На третьи сутки посреди ночи ему неожиданно полегчало.

Он свесил ноги с кровати и увидел Феликса, спящего на полу на расстеленном одеяле. Феликс моментально проснулся и сел.

– Поклянись, что никому не скажешь, – тихо прошептал Алексей.

– Клянусь! – заверил его друг и, забравшись на кровать, обнял Алексея.

– Ты мне брат теперь, Феликс, – сквозь слезы прошептал мальчик.

– И ты мне...

Когда утром на ослабленных ногах Алексей вышел на кухню, там, ловко подкидывая блины на сковородке и напевая что-то себе под нос, хозяйничала новая кухарка.

Алексей открыл глаза и уставился на мирно качающуюся лампу в купе. За окном стояла ночь. Мчащийся поезд пересек границу Румынии и спешил в сторону Белграда, где так давно и нетерпеливо ждали поддержки и помощи русских братьев.

Капитан взглянул на циферблат наручных часов. Два ночи. Завтра к полудню они должны быть на месте. Послышался гудок машиниста, оповещающий о приближении к населенному пункту.

Сон прошел окончательно, Алексей встал с койки и посмотрел в окно. Темнота. Стекло отражало лишь его уставшее лицо и взлохмаченные волосы.

Тогда, одиннадцатилетним мальчишкой, он часто разглядывал себя в зеркале, пытаясь увидеть сходство с императором. Нет, ничего общего. Конечно же, мальчишка ни разу не встречал Николая II, но он упорно собирал вырезки из газет и журналов и часами разглядывал монеты с изображением царя.

Алексей никогда не спрашивал мать, правда ли то, что сказала тогда кухарка. Он считал неприличным задавать вопросы такого типа и страшно мучился неведением.

Отношения с мамой стали натянутыми, отчужденными. Оба молчали, боясь заговорить друг с другом. Встречась за завтраком, Алексей прятал глаза, а Татьяна Дмитриевна вздыхала и уходила к себе.

Приближалось Рождество.

Однажды утром, проснувшись, Алексей обнаружил у своей кровати мать. Улыбаясь, она протянула ему огромную коробку. Мальчик суетливо разорвал ленты и охнул, увидав большой блестящий паровоз.

Он тут же вскочил с кровати и побежал в гостиную к железной дороге.

Татьяна Дмитриевна, как была – в пеньюаре, – последовала за ним.

Они уселись на теплый ковер и любовались новой игрушкой.

Мать приобняла сына и положила его голову себе на грудь:

– Я знаю, что ты мучаешься, это мучает и меня, поверь. Ты молчишь и ничего не спрашиваешь. И я не знаю, как заговорить с тобой о том случае.

Алексей замер. Татьяна Дмитриевна вздохнула и еще крепче прижала к себе сына:

– Я хочу попросить у тебя прощения. Прощения за то, что так сильно любила твоего отца, что наплевала на все приличия и нравственность. Я была молода, очарована им и забыла обо всем на свете. О его положении, о своей добропорядочности. Господи, как тяжело говорить. Он никогда не мог притворяться. Он был нежен ко мне и добр, но не любил меня. Уже тогда он с ума сходил по своей нынешней супруге. Я это знала и позволила ему любить себя, так как безумно этого хотела. Он не знал о том, что у нашей любви было продолжение. Он не знал о тебе. Я сама порвала нашу связь и упала в ноги Константину, который тогда сватался ко мне. Костя не знал, чей ты сын, но догадывался. Не сердись на покойного, он воспитывал тебя, как мог. Порой суровостью, порой безразличием. Его можно понять, ему было горько от сознания того, что я не полюблю его так, как любила твоего отца. Я очень хотела тебя, но также хотела, чтобы у тебя было имя, чтобы никто не смел тыкать пальцем и обижать тебя... Поэтому я согласилась на брак с Костей.

Татьяна Дмитриевна приподняла лицо Алексея за подбородок и поцеловала заплаканные глаза сына:

– Это наша с тобой тайна, только наша. Понимаешь? Правда может навредить ему и, самое главное, тебе. Служи России, служи царю. Помни о чести, долге и достоинстве. Не важно, кто ты по имени, важно, кто ты внутри...

Глава 4

– Все погружено, Ваше высокоблагородие. Можем продолжать путь, – подпоручик передал Алексею список погруженных в грузовые машины ящиков с продовольствием и отдал честь.

– Все проверил, ничего в пути не потеряли?

– Так точно, все по списку.

Алексей забрался в кабину автомобиля и кивнул водителю:

– Трогай.

Моторы загудели, и караван, состоящий из девятнадцати тяжелых машин, двинулся в путь.

Сербия встретила их скелетами обгорелых домов, заунывным ветром с Дуная и размытыми дорогами.

– Германия славится аккуратностью, Япония – пунктуальностью, Россия – водкой и медведями, а Сербия – грязью, – ворчал водитель, пытаясь вытолкнуть забуксовавшие в дорожной грязи колеса. Утирая пот с лица, он подгонял Алексея, толкавшего застрявшую машину.

Час по разбитой дороге, и многих уже начало выворачивать наизнанку. То и дело останавливались грузовики, замедляя движение колонны. Водители выпрыгивали из кабин и скорчивались над оврагами.

Алексей приоткрыл окно и закурил, осматривая окрестности. Он уже пару раз бывал в Сербии, и всегда его восхищала красота здешних гор. От чистоты воздуха сжимались легкие, а очарование сербок заставляло быстрее биться сердце.

Война стерла с лица земли некогда великую и независимую страну. Оставив лишь обломки домов, трупы на дорогах, ямы от бомб и пустынные деревни. Алексей видел, как эвакуировались жители городов, защитники крепостей, но никогда ранее он не сталкивался с тем, как эвакуировалась страна.

Покинув свои дома и прихватив самое нужное, миллионы жителей ушли в горы Черногории. Босые женщины тащили на своих спинах детей, и уже не важно было, свой это ребенок или сирота. Привязав к поясу веревки, тянули уцелевшее оружие. Остатки армии, истощенные голодом, тифом и долгой ходьбой, падали в овраги или посреди дороги. Те, кто еще находил в себе силы, подбирали раненых и продолжали путь под палящим солнцем. Тысячи сербов нашли свою смерть именно на этой тропе. Над ней кружили горластые вороны. Они выклевывали глаза и возмущенно каркали, когда выбранная ими жертва вдруг начинала шевелиться и, вставая на четвереньки, продолжала путь.

Тянулись телеги с вещами и лекарствами. Подгоняли коз с облезлой шерстью и впалыми боками, в клетках кудахтали куры, позвякивали колокольчиками тощие коровы.

Старухи, замотанные, несмотря на жару, в темные платки, беспрестанно молились, подбирая на дороге плачущих детей, у которых убили отца, и не известно было, где их мать.

Впереди этого обоза, высоко вздернув подбородок, облаченный в поношенные кальсоны и держа двумя руками флаг некогда великой Сербии, шествовал король страны Петр Карагеоргиевич.

Понимал ли террорист Гаврило Принцип, так мечтающий о независимости Сербии, что именно его выстрел в 1914 году и станет началом мирового апокалипсиса, повлечет за собой крах и униженное бегство сербского народа?

Именно сюда и был направлен капитан Горин доставить продовольственную и военную помощь.

На краю оврага сидел старик с босыми почерневшими ногами и усами до пояса.

– Отец, – окликнул его Алексей, – кто тут у вас за главного?

– Король, – равнодушно ответил тот, продолжая смотреть вдаль, – кто же еще, страны нет, а монарх жив еще. А тебе кого надо-то, сынок?

– Вот Его Величество и надо.

– В ущелье ступай, там они. И министры, и король, и военачальники.

Алексей взмахом руки приказал остановить машины и, выбравшись из кабины, двинулся в указанную стариком сторону.

Вдоль каменной тропы сидели мужчины, женщины, старики, старухи. Они безразлично провожали взглядом русского офицера. Шаг Алексея замедлился. Тяжело и грустно было смотреть на обездоленный народ, который под палящим летним солнцем набирался сил, чтобы продолжить путь, найти убежище и, несмотря ни на что, не сдать врагу, не встать перед Германией на колени. Внимание капитана привлекла красивая молодая сербка. Она сидела на земле и, достав грудь, пыталась накормить кричащего младенца. Очевидно, молока у матери не было, малыш выплевывал сосок и заливался плачем. Прикрываясь светло-русскими длинными волосами, девушка вновь и вновь подносила ребенка к груди и, глядя на красное гневное лицо младенца, тихо плакала. Словно почувствовав посторонний взгляд, она резко вскинула голову и встретилась глазами с Алексеем. Капитан резко развернулся и быстрым шагом отправился к машинам. Сверяясь со списком, он подошел к грузовику под номером шесть и, распахнув задние дверцы, вытащил деревянную коробку.

– Разгружайте продовольствие, – крикнул он зевающим солдатам.

– Но как же, Ваше высокоблагородие, ведь по учету должны передать помощь Его Величеству, – заметил худощавый поручик с нервно дергающимся веком.

– К черту формальности! Не видите, что ли, что они помрут с голода, пока мы условностями заниматься будем. Разгружайте, я сказал!

Алексей подхватил короб и направился к тому месту, где сидела девушка.

Поставив ношу на землю, он камнем поддел крышку и вытащил пачки сухого печенья.

– Тарелка есть? – спросил он у девушки. Та кивнула и достала из баула железную миску.

Алексей высыпал в нее несколько печений, налил воды из фляжки. Сполоснув руку, пальцем зачерпнул получившуюся кашу и поднес ко рту ребенка. Малыш, учуяв запах еды, моментально замолчал и нежно обхватил палец Алексея пухлыми губами. Капитан молча кормил ребенка и чувствовал, как на него благодарно смотрит мать. Съев добрую половину кашицы, малыш икнул и прикрыл глаза. Сербка схватила руку капитана и прижалась к ней влажным лицом.

Смущенно отдернув руку, Алексей встал. Кормя чужого ребенка, он испытал смешанные чувства радости и удивления. Никогда раньше он не задумывался о том, хотелось бы ему иметь семью, детей и домашний очаг. Его сослуживцы поздравляли друг друга, если у кого-то рождался ребенок. С умилением читали письма жен и ждали отпуска.

У Алексея вот уже более десяти лет был один дом: казарма. Его заботили только выполнение приказа, честное служение императору и слава России.

Когда Алексей окончил военное училище, у Татьяны Дмитриевны обнаружили туберкулез. Врачи посоветовали ей сменить туманный воздух Петербурга на солнечный курорт. После недолгого размышления мать Алексея приобрела небольшую квартиру в Ницце и, живя на Лазурном Берегу, писала письма сыну и любовалась апельсиновыми садами.

У Алексея часто случались романы. Он любил шикарных женщин, восхищался ими, дарил дорогие подарки, а потом с легкостью расставался. Семья, дети – все это ассоциировалось с чем-то обременительным и скучным. А кричащие малыши заставляли его содрогаться от ужаса.

Он прекрасно помнил, как впервые в жизни увидел младенца. Это была Анна.

Тогда Татьяна Дмитриевна, получив радостное письмо от подруги, накупила подарков для новорожденной и, обвесив коробками сына, отправилась в Воронеж.

Все там было ново и интересно Алексею. Тишина деревни, красивые блестящие лошади в конюшнях Зуевых, сладкая малина, которую можно было срывать с куста и сразу есть. Неизгладимое впечатление произвел на мальчика отец Анны – высокий седоволосый генерал. Он сурово смотрел на сыновей, грозя им пальцем, если они слишком шумели или брали старинное оружие, с такой любовью собранное в коллекцию еще дедом Феликса и Петра. Генерал громко разговаривал, громко ходил, громко кашлял, но стоило в комнате появиться его маленькой жене, как Василий Васильевич сразу притихал, смущенно улыбался и, кажется, даже ростом становился ниже. Такая метаморфоза генерала удивила Алексея.

Удивила его и маленькая девочка в колыбели. Он не понимал, почему взрослые так умиляются, глядя на этот сморщенный комочек. Девочка неустанно кричала, сердито морща крохотный носик. Сам не понимая почему, Алексей протянул руку и дотронулся до щеки ребенка. Анна удивленно поперхнулась плачем и замолчала, широко раскрытыми глазами глядя на окружающих.

– Можно она и мне сестрой будет? – спросил он у стоящего рядом Феликса.

– Конечно, ведь ты брат мне, значит и Анне тоже, – удивленно ответил Феликс.

Ночью Алексею не спалось. Он ворочался в чужой постели, вспоминал произошедшее за день, взбивал подушку, крепко зажмурил глаза и вновь пытался заснуть. Потом смотрел на настенные часы, стрелки которых так медленно ползли.

Вдруг он услышал шорох и, сев на кровати, увидел перед собой огромные глаза шестилетнего Петра.

– Ты чего? – спросил он у мальчика.

– Страшно одному, можно я с тобой? – зашмыгал носом Петр, – с мамой Анна теперь, а Феликс смеяться будет.

Алексей кивнул, приглашая мальчика в постель. Тот радостно запрыгнул и, укрывшись одеялом, облегченно вздохнул. Леша лег рядом. Петр, обдавая друга горячим дыханием, принялся рассказывать о разных событиях, которые произошли за время, что они не виделись. Наконец мальчик зевнул и, пообещав Алексею завтра показать новорожденных жеребят, уснул, приобняв друга.

Алексей возмущенно скинул его руку и отвернулся к стене. Свет фонарей с улицы проникал в комнату, и мальчик принялся рассматривать узор на обоях, проводя пальцем по линиям цветов и лепестков.

Петр во сне заворочался, Алексей обернулся, поправил на мальчике одеяло и, неловко приобняв его, крепко заснул.

После передачи продовольственной помощи капитан Горин был направлен на западный фронт, где войска болгар постреливали по русским. Лежа в окопах, болгарские солдаты стреляли в небо или же, внимательно прицелившись, так, чтобы не ранить русского противника. Король Болгарии вступил в союз с Германией. Исполняя приказ монарха, войска схватились за винтовки, но, в отличие от короля, они помнили о помощи русских братьев. Помнили, что живут свободно и счастливо только благодаря русской крови и императору Александру II.

«Наши деды помнят смерти ваших дедов. Политика мешает говорить вам „спасибо“ открыто. Мы не будем воевать против русского брата, но все же не высовывайтесь слишком из окопов. Не дай господи шальная пуля...» Такие записки перекидывали в окопы русских солдат. Те в ответ кидали во вражеские окопы папиросы и мыло.

Алексей прибыл на новое место службы ближе к вечеру. Солнце еще не село, но уже чувствовалась ночная прохлада.

Феликса капитан увидел сразу, и, облокотившись на угол палатки, наблюдал за другом. Голый по пояс, тот подкидывал в костер поленья и помешивал длинной палкой в глубоком котле белье. Котел накренился на хлипких полозьях и брызгал кипятком на огонь. Феликс матерился и кричал кому-то:

– Еще дров тащи да штаны стягивайте.

Феликс был крепким мужчиной среднего роста с широкой сильной спиной, по которой сейчас тек ручьем пот. Его крепкие ноги обтягивали солдатские кальсоны, пшеничные волосы потемнели от пота и курчавились у шеи.

– О суровости подполковника Зуева я, конечно же, наслышан, но обнажать солдат – это уже слишком.

Феликс обернулся и, отбросив в сторону палку, обтер руки о штаны и крепко обнял друга:

– Лешка! Как ты здесь?

– Вот как, значит, встречаешь? – рассмеялся Алексей и выразительно посмотрел на котел.

– Блохи, – развел руками Феликс, – сам знаешь, где эти твари, там и тиф, а нам сейчас только этой заразы не хватало. Ну, каким ветром тебя сюда? Слышал про Сморгонь? Петр как?

– Нормально, отлежится пару месяцев на казенных простынях и будет как новенький.

Письмо для тебя от Анны, – Феликс схватил голубой конверт и тут же вскрыл его.

– Ты извини, – улыбнулся он Алексею, показывая, что хочет прочитать письмо один, – давай угощай меня столичными папиросами.

Алексей подхватил горящий уголек из костра и, подкидывая его в руке, подкурил папиросу и передал другу.

С Феликсом они всегда были рядом: в училище, на каникулах. Вместе давали присягу и вместе были направлены на Балканы. Война с Германией разъединила их, разбросав по разным местам. Алексей очень гордился другом. Тот (сначала капитан) уже дослужился до подполковника. Феликс не видел различий между простым солдатом и офицером, относился ко всем равно и дружелюбно. Войну не одобрял, царя ругал, общее ликование из-за того, что император взял на себя бремя главнокомандующего, не разделял.

– Я даже узнал, какое декольте у мадам Серовой, – стукнул себя по колену Феликс, – Анна, как всегда, бесподобна! опишет все, но не скажет главного. О шикарном плизе Кшесинской полстраницы, а об отце – ни слова.

– По-моему, в Зуево все нормально, управляющий только вновь запил.

– Башку оторву Игнату, – пообещал Феликс и повел Алексея смотреть окопы и штаб.

– Петушенко, на костер дуй! – крикнул он конопатому солдату, входя в штаб, обложенный мешками с песком и наваленными досками.

– Да, Алексей, нам тут немцы парашютиста сбросили. Говорит, что наш, русский. В плену, говорит, был, немцы парашют испробовать решили, вот его обвесили баллонами и скинули. Удивительно, что ни одной царапины, страшно, говорит, только было. Васютков его фамилия, под Сморгонью был, тебя знает. А фамилию мою как услышал, заверещал аж. Мол, и с Петром знаком. Вот, гляди, что на груди у него было, – Феликс достал из походной сумки лист бумаги и развернул: «Русский свинья, сдавайся. Все равно немец быть в Петербург. Царя вашего жарить...»

– Идиоты, – сказал Алексей, возвращая послание Феликсу, – Васютков, говоришь? Был у нас такой, без вести пропал в конце мая. Писать некому было, сирота он. Неужто и вправду Михаил?

Феликс вывел Алексея из штаба и направился к полуразвалившемуся сараю. Распахнутая дверь покосилась и тихонько поскрипывала от ветра.

– Не бойтесь, что сбежит? – удивился капитан, отпихивая доски под ногами. И, нагнувшись, вошел в помещение.

– А чего бояться? Сам здесь засел и не выходит. В генштаб запрос делать собирался, да вот ты появился.

На полу, застеленном соломой, сидел молодой солдат в потертой гимнастерке. Услышав голоса, он вскочил и, вытянувшись в струнку, козырнул. Васютков узнал Алексея и облегченно вздохнул:

– Ваше высокоблагородие, счастье-то какое! Не верят мне, что русский я. Да какой же я шпион, по-немецки-то ни бу-бу.

– А пойдй разбери. Время сейчас такое, рядовой. На слово доверишься, а потом выяснится, что «герцог», – пожал плечами Феликс. – Хорошо, что Алексей Константинович тебя признал, уж больно надоед ты нам, солдат.

– А кто такой «герцог»? – не понял Михаил, опустив руку от виска и немного расслабившись.

– Это те, кто на два фронта работают.

Васютков резко покраснел. Волна краски залила шею и уши, над верхней губой выступили капельки пота.

– Да вы чего? – от возмущения задохнулся он, забыв о субординации, – как на два фронта? Я России присягал, ей и служу...

Алексей похлопал солдата по плечу:

– Извини. Феликс Васильевич не утверждает, что подозревает тебя, просто разъяснить пытается, что и среди наших полно гадов. В тебе, Васютков, я уверен, как в себе, полностью ручаюсь перед господином подполковником, что ты не предатель и не шпион.

Михаил с благодарностью посмотрел на бывшего командира и с опаской покосился на Феликса. Тот ухмыльнулся и вышел.

Снаружи послышались выстрелы артиллерии.

Алексей и Васютков выбежали из сарая.

– Во! Надоело германцам наше с болгарами панибратство, – азартно крикнул им Феликс, – бой, а я в кальсонах...

Мимо них просвистели пули и врезались в деревянные стены сарая.

Алексей пригнулся и зарядил револьвер. Поправив китель, он оглянулся на Феликса и улыбнулся.

– Как в старые добрые времена? Во врага стреляй, друга оберегай!

– Ага, – кивнул Феликс, поправляя кальсоны и хватая винтовку, – ничего не изменилось, брат. И не изменится.

Глава 5

Петроград. Конец марта 1917 г.

Удивительно, как быстро перемены отразились на столице. Меньше года назад Алексей наслаждался уличными оркестрами, запахом цветущей сирени, любовался молодыми девушками, одетыми в белые воздушные платья. Народ ликовал, радуясь успехам русской армии, заваливал восхищенными письмами генерала Брусилова, люди улыбались друг другу, обнимались на улицах и верили в скорую победу.

Революция. Кем написан сценарий, кто режиссер этого террора и насилия? Кто вершит правосудие над простыми жителями и разрушает привычное мирное течение жизни?

Подполковник Горин присягнул Временному правительству. Присягнул, как все, но испытал при этом мерзкий привкус во рту. Слова клятвы шли из горла с трудом, пару раз он закашливался под смехок присутствующих. Чувствуя себя полностью раздавленным, он вернулся на фронт. Солдаты перестали подчиняться приказам, следовало поражение за поражением. Накопившаяся усталость и нежелание принимать условия солдатских комитетов дали волю кулакам. Алексей отметелил обнаглевшего рядового, который наотрез отказался идти в бой и при этом плюнул под ноги командиру. За это его вызвали в Петроград оправдываться перед Керенским.

Вместо оправданий он высказал свое мнение о новых законах и порядках, за что был униженно выведен из генштаба с приказом немедленно отправляться на фронт.

Заслуженный «уговариватель», как Алексей называл Керенского, презрительно повторил, что прежние порядки в армии недопустимы и если кого-то это не устраивает, то он с радостью примет рапорт об отставке.

Император доверил Горину полк. Алексей гордился новым назначением и старался оправдать оказанную ему честь носить погоны подполковника. Он заслужил этот чин не поклонами в парадных, а в боях, кровью, защищая Родину. И вот теперь его, Алексея, прогнали прочь, как нашкодившего мальчишку. Никогда раньше он не испытывал более сильного унижения.

Как это все произошло? Откуда появились на улицах такие горы мусора? Феликс смеялся, говорил, что революцию делали семечки. Алексею было не до смеха. Он не мог поверить, что тот, кому он был предан, кого боготворил и обожал, одним взмахом пера предал всю Россию. Императора Алексей не понимал, осуждал и где-то даже по-детски обижался на него. У него возникло желание поехать в Царское село, пробиться через охрану и спросить: «За что? За что ты оставил тех, кто предан тебе?» Огромным усилием воли Горин оставил эту затею, хоть и хотелось ему ужасно увидеть цесаревича. Поговорить с ним, подбодрить и заверить в своей верности.

Алексей остановился около пожилой дамы, продающей вечерний мужской смокинг и ночник в форме огромного яблока.

– Возьмите, господин подполковник, – она протянула вешалку со смокингом, – вам подойдет. Это мужа моего покойного, всего раз и надевал.

Дама судорожно протягивала вещи Алексею.

Голод, брат любой революции, уже всю гулял по опустевшей столице. Кому сейчас нужны смокинг и вычурные абажуры? В цене мука, коричневые куски сахара и дефицитные спички.

Горину стало жаль даму, он сунул в ее холодные руки деньги и быстрым шагом пошел прочь.

– Но как же, господин офицер? – крикнула вслед женщина. – Смокинг-то забыли!

Алексей прибавил шаг и, свернув в переулок, прижался спиной к зданию и перевел дыхание.

К его ногам подбежал черно-белый пес и завертел хвостом. Горин присел на корточки и потрепал собаку за ухом.

– Это мой пес!

Алексей поднял глаза и увидел перед собой возмущенного мальчишку. Ребенок ревностно наблюдал, как пес развалился перед мужчиной, ожидая ласки.

– Твой, – согласился Алексей. – У тебя очень хороший и ласковый пес.

Глаза мальчика подобрели. Он свистком окликнул собаку и убежал.

Алексее вспомнились другая собака и другой мальчик.

Шел первый год войны. Алексей, тогда еще поручик, был направлен сопровождать генерала Сазонова на совещание в Могилев.

Они немного опаздывали, и, когда автомобиль, шурша шинами, остановился у крыльца штаба, все приглашенные уже находились внутри.

– Погуляйте пока, поручик, – немного взволнованно сказал генерал и, тяжело ступая по ступеням, скрылся внутри здания.

Алексей прикурил у водителя и, облокотившись об автомобиль, сладко затянулся папиросой.

И только тут он заметил, что в беседке неподалеку сидел цесаревич. У его ног примостился лохматый пес, преданно заглядывая в лицо мальчика. На коленях наследника лежала кошка серой окраски и лениво мурлыкала, изредка приоткрывая один глаз и брезгливо поглядывая на собаку.

Алексей затушил о подошву сапога окурки и, одернув мундир, решительно подошел:

– Доброе утро, Ваше Высочество! – козырнул поручик.

– Доброе утро, – цесаревич оторвался от книги, раскрытой перед ним, и, немного прищурившись, посмотрел на Алексея, – присаживайтесь, поручик. Хотите чаю?

На столе стояли огромный самовар и небольшие конфетницы, наполненные пряниками и бубликами. Мучное с поразительной скоростью исчезало в раскрытой пасти пса.

– Благодарю, – Алексей взял кружку с ароматным напитком и улыбнулся, глядя, как цесаревич в очередной раз сунул собаке бублик. – Какие у вас питомцы!

– Знакомьтесь, это Фигаро, – мальчик потрепал пса по голове, – а это Серафима. Вы знаете, это неправда, что собаки не уживаются с кошками. Фигаро и Сима вполне мирно общаются, порой даже вместе спят.

При этих словах кошка резко выпрямилась и, изящно потянувшись на коленях наследника, с недоумением посмотрела на него. Потом, еще раз брезгливо взглянув на пса, перепрыгнула на стол и развалилась, как бы приглашая окружающих полюбоваться ее блестящей шерстью.

– Мне знакомо ваше лицо, поручик. Мы с вами уже встречались, не так ли? Дайте вспомнить, ах да, на смотре войск после всеобщей мобилизации.

– У вас прекрасная память на лица, Ваше Высочество, – учтиво заметил Алексей, отпивая из кружки.

– Не могу похвастаться такой же памятью на имена.

– О, простите. С моей стороны было невежливо не представиться, – Алексей встал и отдал честь будущему императору. – Поручик Горин Алексей Константинович к вашим услугам!

– Алексей Константинович Горин. Ну что же, может, вы не откажете в любезности прогуляться со мной? – предложил цесаревич, поднимаясь и с облегчением закрывая книгу.

– С удовольствием.

Они шли по широкой аллее, вдоль которой, раскинув свои кроны, росли ели. Пахло летом и недавно скошенной травой. Мирно жужжали пчелы, и было слышно, как в лесу кричит

кукушка. Здесь было спокойно, даже слишком спокойно. Казалось невероятным, что где-то неподалеку идет война, гибнут люди, плачут вдовы, получая похоронки.

Цесаревич оказался прекрасным собеседником, он мог поддержать любой разговор шла ли речь о войне или о светских сплетнях.

– Война – это ужасно. Нет более стихийного бедствия, чем истребление человечества. Какие-то идеалы, принципы королей, за которые уничтожают миллионы людей. Это, наверное, очень страшно – убивать, – задумчиво, поддевая сапогом камень, заметил цесаревич.

– Вы правы, Ваше Высочество. Убивать страшно. И не надо думать, что выжившие счастливее павших. Победители ни на секунду не забывают лица убитых. Но наша сила и мощь в том, что мы не серийные убийцы, а защитники своей Родины.

– Вы всегда хотели стать военным? – спросил мальчик.

– Да, – твердо ответил Алексей, – для меня военное училище всегда было делом решенным. Открою вам секрет: мы с моим другом, Феликсом Зуевым, в детстве клялись на крови служить Родине и быть братьями. Слышали бы вы визг моей матушки, когда она увидела нас всех в крови.

Цесаревич рассмеялся. Ему очень шла улыбка. Черты его лица заметно смягчались, глаза начинали сиять, а щеки покрывались детским румянцем. Мальчики его возраста с криком гоняли голубей, бегали босиком на рыбалку и просто болтались без дела. Алексей Николаевич, наследник русского престола, редко мог позволить себе такое ребячество. Сейчас он, облаченный в форму ефрейтора, как никогда нужен отцу. Поэтому он старался казаться серьезным. Сжимал губы в тонкую линию, чеканил шаг в начищенных сапогах и изучал военные ведомости.

– Смотрите! Белка! – вдруг радостно воскликнул цесаревич и подбежал к ели.

Перепрыгивая с ветки на ветку, рыжая красавица запрыгнула на плечо мальчику и, пощекотав его пушистым хвостом, затихла.

– Ах, красавица! Смотри, что у меня есть, – наследник достал из кармана орехи и предложил белке. Озорница ловко схватила угощение и, взмахнув хвостом, скрылась на дереве.

– Животные вас любят, – заметил Алексей.

– Они просто чувствуют, как я люблю их, – цесаревич обтер руки о штаны и посмотрел на Горина снизу вверх.

– Я тоже хочу открыть вам свой секрет, – мальчик замялся, судорожно вздохнул и посмотрел прямо в глаза поручику, – я не хочу быть царем.

Горин попытался сохранить лицо, однако ресницы его предательски дрогнули.

– А чего же вы хотите, Ваше Высочество? – тихо спросил он.

– Жить, – пожал плечами мальчик.

В этот момент сквозь кроны деревьев прокрались лучи летнего солнца и осветили лицо цесаревича. Волосы его отливали золотом, стало заметно, насколько худ для своего возраста был этот ребенок. На висках просвечивали голубоватые вены, а темные круги под глазами говорили об усталости или болезни. И все же Алексей Романов был красив! Прямой нос, крепкие губы, темные брови и серьезные глаза. Пожалуй, он был намного выше ростом, чем его сверстники. Прямая спина и тонкие аристократические пальцы дополняли портрет наследника.

– Жить, поручик, просто жить. Гулять по лесу, дышать, шуриться на солнце и ходить босым по песку. Кормить свою собаку бубликами и незнакомую белку – орехами. Любить маму, сестер, отца и быть любимым ими. Не слышать шепота за портьерами и не видеть лстивых лиц. Не терпеть подле себя людей неприятных, но так нужных государству. Да и нужных ли? Право, порой становится смешно и в то же время грустно, когда я вижу, как разворачивают все, что только можно. Не думать о том, что скажет о тебе общественность и как оценит наряды твоих близких свет. Пить парное молоко и есть черный хлеб. Просто откусывая, а не ломая на кусочки. Не переживать, ту ли вилку я взял за обедом или же этот прибор для десерта. Дру-

жить с тем, кто тебе близок по духу, а не с тем, кто почитаем в светских кругах. Вот, к примеру, взять хотя бы Григория. Почему люди так предвзято относятся к нашей дружбе с ним? А я вам скажу: потому как он простой мужик. Дружить с мужиком? Это не комильфо! А ведь мужики тоже люди, Алексей Константинович, причем, как мне кажется, лучшие из людей.

Горин не смел перебивать.

– Вы удивлены? Хотя страх перед троном не так пугает меня, как ответственность за того, кого ты любишь. Вот вы любите кого-нибудь?

– Маму, своих товарищей, – пожал плечами Горин, не понимая, к чему клонит наследник.

– Конечно, мама. Любить – это прекрасно! Чувствовать этого человека рядом, говорить с ним, о чем угодно. Да, любить – это здорово, но и безумно страшно. Любить – значит, быть ответственным за этого человека, переживать за него, быть зависимым от него, вы согласны? Я, наверное, смешон? Мне сложно объяснить это словами, но я просто хочу сказать, что быть царем означает любить свой народ, правильно? И я люблю его уже сейчас. Мне сложно понять, как можно отправлять на гибель тех, кого любишь. О нет, только не подумайте, что я осуждаю папу за войну. У него не было выбора. А вот если я встану перед выбором, честь или жизнь своего народа, я не уверен, что смогу выбрать правильно. Взять, к примеру, моего великого предка Петра I. Он любил Россию и все сделал для того, чтобы страна стала империей, чтобы завоевать уважение в мире. А Петроград? Это ли не пример прекрасной архитектуры? Но, славя Россию, Петр губил свой народ, – цесаревич замолчал и, сорвав травинку, долго вертел ее в руке. – Но я буду царем! Буду потому, что от меня этого ждут мои родители, ждет моя страна и мой народ. Это мой долг. И я выполню его сполна. Знаете, что я сделаю, взойдя на престол?

– Что же? – голос поручика немного дрогнул, и он откашлялся в кулак.

– Упраздню титульство! – гордо вскинул голову мальчик. – Ведь что такое титул? Всего лишь приставка к имени, полученная при рождении. И не обязательно, что унаследовавший титул графа или же князя является человеком благородным. Титул будет даваться при жизни. Если человек, допустим, сделал что-то поистине достойное, а не потому, что у него длинная родословная. А еще я создам парламентскую думу, настоящую, а не бутафорскую, как раньше. Мальчик говорил воодушевленно, медленно идя по аллее. Алексей шел рядом. Ему нравилось, как говорил цесаревич и то, что он говорил.

– В думе будут заседать не только члены высшего сословия и представители рабочего класса, но и крестьяне и женщины. И они будут трудиться во благо своих сословий, а не получать в день по 10 рублей только за свое присутствие. И я как их царь буду всегда присутствовать на этих заседаниях и не только слушать, но и слышать своих подданных.

– Женщин? – удивленно переспросил Алексей.

– О да! Потому что считаю, женщины имеют не меньшее, а даже большее право принимать участие в политике, нежели мужчины. Ведь лишь женщины, матери наших солдат и героев, могут знать, что надо их детям. Что нужно, чтобы растить наших заступников.

– Вы собираетесь передать управление страной народу? Но это, простите, уже республика. А вы не император, а президент этой республики. А как же самодержавие, Ваше Высочество?

– Нет, вы не поняли, – горячо запротестовал цесаревич, – я не собираюсь прятаться за спины людей, не собираюсь переваливать всю ответственность на их плечи. В лице народа я собираюсь приобрести помощников, которые будут мне помогать принимать правильные решения. Я протяну народу свою руку в надежде, что народ пожмет ее. Я изучал труды Жан-Жака Руссо...

Горин удивленно приподнял бровь.

– Так вот, – продолжал цесаревич, – философ полагает, что государство возникает в результате общественного договора. Согласно этому договору верховная власть, даже при наличии монарха, принадлежит народу. Суверенитет народа неотчуждаем, неделим, непогре-

шим и абсолютен. Закон как выражение общей воли выступает гарантией индивидов от произвола со стороны правительства, которое не может действовать, нарушая требования закона. Благодаря закону как выражению общей воли только и можно добиться относительного имущественного равенства. И хотя Руссо как личность мне неприятен, философия его восхиительна! Он опирается не столько на абстрактное мышление, сколько имеет склонность к чувству, я бы сказал даже, к сочувствию.

– Хотите равноправия в России? – вежливо спросил Алексей.

Собеседник все более и более нравился ему. Это были речи не одиннадцатилетнего мальчика, а взрослого, твердомыслящего и, главное, доброго человека.

– Единения я хочу, господин поручик. Единение царя, народа и Бога. Только объединившись, мы станем всесильной и мощнейшей державой. Верну реформы господина Столыпина, не буду бояться. Не смею бояться. Издаю закон, по которому все сословия будут платить налог в казну согласно установленному проценту.

– И знать?

– Знать в первую очередь.

– Буржуазия может восстать...

– Пусть. Людовик XVI побоялся взимать налог с дворян и был казнен голодными парижанами. Я не побоюсь, ведь все должны быть равны. Смотрите...

Цесаревич поднял с земли ветку и, присев на корточки, ловко нарисовал контур России.

– Наша страна невероятно красива и богата. Леса, реки, горы... И все это принадлежит людям, всем, без исключения. Господь даровал нам свои блага, чтобы мы жили и процветали. Он не делил нас при этом на сословия. Вот здесь я построю металлургические заводы, – мальчик указал веткой на Урал, – здесь будет развиваться текстильная промышленность, здесь – сельскохозяйственная...

Алексей присел рядом и еле успевал переводить взгляд на места, на которые указывал цесаревич.

– Здесь могут изготавливаться керамика и кафель, – заразившись от будущего царя идеями, указал на юг Горин.

– Точно, тут полно песка! Глупо, что мы до сих пор покупаем кафель в Австрии. И обязательно нужны хорошие дороги, ведь только из-за непроходимости дорог мобилизация войск заняла больше месяца. Господи, а школы? Почему высшие учебные заведения есть только в крупных городах? Почему в сельских школах преподают только начальное обучение? Ведь и среди крестьян множество умных, сообразительных, талантливых и, самое главное, трудящихся людей! Где в Писании сказано, что крестьянскому ребенку положено жить только в деревне, сажать огород и встречать старость на стоге сена? Почему золотой столичной молодежи открыты двери институтов, а девочке-крестьянке никогда не стать курсисткой? Сколько случаев в истории, когда из крестьянских детей вырастали гении? Ломоносов, Есенин? Вы слышали Есенина? Да мало ли в глубинках больших умов!

Они склонились над рисунками и жарко обсуждали, какой всесильной и прекрасной будет Россия. Порой цесаревич вскидывал глаза на поручика и они обменивались улыбками. Горину было легко и свободно говорить с будущим императором. Раскрасневшись от идей и яркого солнца, они счастливо рисовали на песке школы, больницы, заводы и фабрики. Два Алексея, два единомышленника, которые одинаково мечтали, говорили и одинаково обожали свою Родину.

– Работа будет у всех, и у всех будет возможность обучаться и выбрать дело себе по сердцу. Искореню воровство, казнокрадство и взяточничество. Я смогу! – радостно взмахивал руками цесаревич.

– И все же, Ваше Высочество, надо ведь думать и о казне. Если обучение будет бесплатным, государство мигом разорится.

– Да, я думал об этом. Вот смотрите, – мальчик вытянул ногу и достал из кармана галифе ржавые гвозди и болтики, – что это?

– Мусор, – недоуменно ответил Горин, глядя на юношескую руку с подобранными железяками. На внутренней стороне его ладони было написано и несколько раз жирно обведено слово «мама».

– Вот, все говорят: «Мусор». И Мария тоже. А если, к примеру, построить перерабатывающий завод. Ведь сколько ненужного хлама порой валяется на улице? Можно создать отряды по сбору ненужного металла и бумаги. Все это можно переработать. Из железа получить сплав, а из бумаги – картон под упаковочные коробки.

– Солдаты едят консервы, банки тоже выбрасываются, – задумчиво заметил Горин.

– Да, наконец-то есть человек, который меня понимает и принимает мои слова всерьез, – рассмеялся цесаревич, пряча в карман железяки. Алексей впервые за весь разговор растерялся. Он на минуту представил, как этот ребенок, измученный болезнью и постоянными поездками с императором, собирает на земле гвоздики, скрупулезно хранит их в большой коробке под кроватью и бережно складывает в шкатулку свои личные деньги, думая при этом о благе России. Это было так по-детски наивно и трогательно, как слово «мама» на его руке...

Алексей посмотрел на худенькое лицо мальчика. В эту минуту поручик не задумываясь, отдал бы свою жизнь за этого маленького человека с такой большой и восхитительной душой. Какое счастье видеть его сейчас, какое счастье слышать его речи, пусть немного нелепые для слуха взрослого человека, но такие чистые и открытые!

Цесаревич поднялся и в упор посмотрел на Горина:

– Я даю вам слово, поручик, что в России более никогда не будет бедных и несчастных. Я хочу, чтобы все были счастливы.

– Очень сложно осчастливить всех, Ваше Высочество, – Алексей тоже поднялся, – у каждого человека свое представление о счастье. Кому-то достаточно и горячего самовара, а кому-то золотые прииски подавай.

– И все же я попытаюсь.

Алексей не знал, что на это ответить. Он щелкнул каблуками сапог и отдал будущему царю честь.

К штабу они возвращались молча, каждый думая о своем. Тишина не была им в тягость, наоборот, она сближала.

– Я вот что подумал, – прервал тишину наследник, – как только закончится война, я представлю Его Величеству доклад, в котором изложу все свои мысли и желательные реформы. Я уверен, папа меня поддержит.

– Разумеется, – мягко улыбнулся Алексей.

– Вы знаете, – неожиданно рассмеялся цесаревич, – мне вспомнился сейчас губернатор Лазовской губернии, граф Личорин Юрий Васильевич. Он как-то был у нас на ужине. И вот он рассказывал, что к ним в губернию заявился лавочник, некто Питюнин, и предложил свой малый бизнес в виде продажи навесных замков. Граф тогда только посмеялся и сказал Питюнину, чтобы тот искал счастья в другом месте, так как в Лазовске он тотчас разорится. Все за столом рассмеялись. Я ничего не понял. Но потом папа рассказал мне, что Лазовск, пожалуй, единственное место в России, где люди не закрывают на замок свои дома, квартиры и амбары. Если их спросить, отчего так, они делают круглые глаза и отвечают: «А что, если заявится свояченица или же кум издалека, а дверь заперта?» Вы понимаете, Алексей Константинович? Там нет воровства! Абсолютно! И это в России, где даже поп ворует сам у себя. Вот было бы прекрасно, если бы по всей стране были такие доверие и честность.

Совещание уже закончилось. На крыльце стояли генерал Сазонов, генерал Краснов и Великий князь Николай Николаевич – дядя императора, которого редко кто видел трезвым. Вышел и император с неизменной папиросой во рту. Не обращая внимания на вытянувшихся

в струнку офицеров, он устремился навстречу сыну. Горин приставил руку в виску. Он испытывал понятное волнение, только не мог понять, то ли это от присутствия царской особы, то ли по какой-то другой причине.

– По вашему довольному лицу, Ваше Высочество, могу догадаться, что вы променяли чтение записок Карамзина на более приятное занятие, – император старался говорить строгим голосом, однако у его глаз предательски разбежались веселые морщинки, а взгляд потеплел.

– О, Ваше Величество! Я замечательно провел время в обществе поручика Горина. А Карамзин подождет, никуда он не денется.

Император бегло взглянул на Алексея и едва заметно кивнул ему.

– И все же, Алексей Николаевич, не надо сердить господина Коринского, принимайтесь за чтение.

– Есть, – весело ответил цесаревич и поднялся по ступеням. Затем развернулся и, спустившись, схватил руку Горина.

– Я никогда не забуду нашего разговора, – горячо заверил он поручика, пожимая тому руку. – И никогда не забуду вас, поручик Алексей Горин.

– И я никогда не забуду, – дрогнувшим голосом ответил Алексей, отвечая на рукопожатие.

Вернувшись на фронт, Алексей написал тогда своей матери в Ниццу: «На днях имел честь прогуляться с цесаревичем Алексеем. Через десять минут нашей беседы я уже видел перед собой не приговоренного больного ребенка, а истинного монарха, которого не знала до того Россия, но узнает в будущем. Молю Господа и о нисхождении милости к Алексею Николаевичу, и о его скорейшем выздоровлении».

Где теперь этот мальчик? И где его собака, любительница бубликов? О чем думает и мечтает теперь тот, кто уже никогда не станет царем?

Алексей достал портсигар и задумчиво проводил взглядом двух солдат, вразвалочку прошедших мимо офицера. Подполковник закурил и направился в сторону госпиталя Свешникова. Ему очень хотелось повидаться с Анной.

Анна подняла ворот пальто, пытаясь укрыться от пронизывающего ветра, и подхватила саквояж.

На улице было подозрительно безлюдно. Как будто все жители столицы, испугавшись резких перемен в России, решили укрыться от нарастающей силы революции. Безликие витрины отражали девушку, слишком бледную и растерянную. Лишь редкие мальчишки, разносчики газет, бегали по тротуарам и громким голосом оглашали новости с фронта. Анна остановила одного и, протянув ему пару монет, с жадностью принялась читать. Ничего нового. Печальные статьи о разложении русской армии и о масштабных поражениях на фронте.

– Анна! – услышала она и, подняв голову, увидела, как к ней через дорогу спешит Алексей. Проезжающий автомобиль недовольно засигналил, подполковник, извиняясь, махнул водителю рукой и подошел.

– Алексей Константинович? Вы в Петрограде?

– Анна, как хорошо, что я встретил вас, – Горин наклонился и галантно поцеловал руку в перчатке.

– Почему? – глупо спросила девушка, резко покраснев.

– Если бы не встреча с вами, моя поездка в столицу оказалась бы совсем уж мерзкой.

– Отчего? Хотя это глупый вопрос. Наверное, сейчас всем офицерам приходится несладко.

– Увы, мы стоим перед распадом и уничтожением наших вооруженных сил. Старые правила рухнули, а новые создать не получается, – Алексей убрал руки за спину и грустно ухмыльнулся. – Господа из Временного правительства этого не осознают или же не желают этого признать... Вы уезжаете?

– Папе нездоровится, срочно возвращаюсь в Зуево.

– Надеюсь, ничего серьезного?

– Очередной удар, – Анна растерянно посмотрела по сторонам, – все это и отречение царя. Более двухсот лет Зуевы служили дому Романовых. И вот теперь он в недоумении, кому служат его сыновья, за что сражаются, кому присягают.

– Республике, – ответил Горин, – а сражаются за Россию, как и ранее.

– Папа – убежденный монархист, солдат старой гвардии. Ему непонятны слова «республика» и «гражданин». Он твердо уверен, что только царь, данный Богом, а не избранный народом, может вести за собой Россию.

– Вы на вокзал? – спросил Алексей. – Я провожу вас.

Некоторое время они шли молча, Алексей украдкой поглядывал на Анну. На ней были темно-сиреневое пальто и шляпка в тон. Из-за полей головного убора ему не видно было лица девушки, взору открывались лишь бледная щека и маленькая мочка уха, украшенная крошечной жемчужиной.

– Мы не виделись с вами более полугода, вы похудели, – заметил подполковник.

– И подурнела? – Анна подняла голову и посмотрела на Алексея. Глаза ее, всегда озорные и ясные, немного покраснели и припухли, уголки губ опустились. Сказывались бессонные ночи у кроватей больных и дурные вести из дома.

– Нет, стали взрослее, – серьезно ответил Горин.

– Алексей Константинович, как вы думаете, что будет дальше? Сможет ли Россия без царя? И что будет с ними, с императором и его семьей?

– Я не знаю, Анна. Вы задаете такие вопросы, на которые никто не знает ответов. Скажу одно: Россия всегда была, есть и будет самой сильной и самой могущественной страной. Это зависит не от царя, а от русского духа и патриотизма. Родина остается Родиной, и мне как офицеру остается только защищать ее от врага внешнего и внутреннего. Поэтому я присягнул Временному правительству. Что же до царской семьи, то тут я развожу руками. Император Николай подчинился натиску генералов и лишил не только себя, но и своего сына права что-либо менять в устоях страны... Кто знает, может, для всех членов августейшей семьи решение царя было облегчением и избавлением? Ну а что же вы, Анна, как вы ко всему этому относитесь?

– Я? Мне, признаться, все равно. Мне важно, чтобы мои братья вернулись домой живыми и невредимыми. Чтобы папа не болел. Чтобы у профессора Свешникова выздоравливали больные и уходили домой на своих ногах, а не на протезах. Чтобы Аля пела под гитару, а наша Зоя пекла пироги с малиной. Глупое женское желание, ничего патриотического и возвышенного, так?

Еще поворот, и вокзал. Анна замедлила шаг. Несмотря на тревогу за отца, она не хотела так скоро расставаться с Алексеем. Было волнительно и в то же время спокойно просто идти с ним по улице, искоса поглядывая на него и незаметно дотрагиваясь до рукава его шинели.

Вдруг слышались звуки военного оркестра. Из-за поворота показались музыканты, играющие на ходу «Прощание Славянки». За ними, чеканя шаг, шли юнкера. Слишком широкие шинели серого гвардейского сукна с красными клапанами на воротничках, тонкие шеи, юношеские щеки с румянцем размером с яблоко, отвага и решимость в глазах.

Керенский понял, что бывлой армии не возвратить. И, чтобы спасти фронт, на войну отправлялись женщины и дети.

Присягнувшие бело-сине-красному флагу и насквозь пропитавшиеся запахом церковного ладана, вчерашние юнцы, изучавшие лишь теорию военного дела, сегодня шли спасать Россию, гордо неся свои молодые головы на узких мальчишечьих плечах.

Анна и Алексей остановились и молча смотрели на марширующий батальон. Алексей держал в одной руке саквояж Анны, а другой приставил ладонь к виску.

Юнкера поравнялись с ними и, улыбаясь, отдали честь подполковнику.

Анна смотрела на задумчивое лицо Алексея. Глаза его потемнели, губы сжались в тонкую линию. Твердая рука у виска и прямая солдатская спина.

Вот промаршировали последние мальчишки, глухо стуча сапогами по пустынной мостовой. Слышались отдаленные звуки оркестра. Алексей стоял, не шелохнувшись, и отдавал честь уже пустой улице.

Словно очнувшись от своих мыслей, он наконец опустил руку и встретился взглядом с Анной.

– Аля написала стихи к этому маршу, – пробормотала она.

– Какие же?

Девушка тихонько запела, так, чтобы ее мог слышать только Алексей:

Вот и вокзал. Огромная толпа людей и рев поездов. Кто-то уезжал, кто-то возвращался. Царство встреч и разлук. Слышались рыдания женщин, громко кричали носильщики, свистели в свисток жандармы, огромные тюки с вещами заполняли весь проход.

У перрона стоял поезд «Петроград – Воронеж».

Анна поспешила. Паровоз выпустил пар, обдав белым облаком Алексея и Анну.

– Прощайте, Алексей Константинович, храни вас Господь!

– И вас, Анна, – Алексей протянул девушке саквояж, и она поднялась на ступеньки вагона.

– Анна! – окликнул ее Алексей, – я написал вам восемь писем.

– Но я ничего не получала, – растерянно выкрикнула она, стараясь перекрыть шум паровоза.

– Да. Я не отправлял их.

Дрогнули колеса, и поезд тронулся.

– Барышня, пройдите в вагон, – сурово заметил проводник.

– Пожалуйста. Еще мгновение, – попросила Анна, глядя на стоящего на перроне Алексея.

– Упорхнула голубка надежды,
Остался лишь ворон войны.
Я люблю тебя, милый, как прежде,
Ты мне, Господи, друга верни.

Провожать вышла я тебя рано,
На востоке сияла звезда.
За Отчизну сражаться ушел ты,
По щеке покатилась слеза.

Глава 6

Северный фронт. Село Верягино. Лето 1917 г.

Петр стряхнул пыль с гимнастерки и, застегнув пуговицу на воротничке, решительно вошел в деревянный одноэтажный дом, служивший штабом пятой армии. В доме были четыре комнаты. Одну занимал генерал от кавалерии Дорин Семен Иванович, вторая принадлежала его адъютанту, высокому офицеру с влажными глазами и льстивой улыбкой. Петр, к своему стыду, никак не мог запомнить его имя: то ли Редар, то ли Дерар. Адъютант имел кавказскую внешность, орлиный нос и вечное желание услужить. Еще одна комната была обедней, а также кабинетом, где некогда обсуждали планы наступления, тактики боев и отстукивали телеграммы в Ставку.

Сейчас в этой комнате стоял полумрак, за широким столом сидел седой генерал и запрокидывал в себя стопку водки, любезно наполняемую адъютантом.

– Здравия желаю, Ваше высокопревосходительство! – гаркнул Петр, вытягиваясь перед генералом в струнку. Семен Иванович поморщился, как от зубной боли, и покосился на адъютанта.

– Не изволите ли закусить? – спросил тот, пригибаясь и протягивая вилку с насаженным кусочком сала.

Генерал отмахнулся и посмотрел на Петра:

– Я не вызывал вас, поручик.

– Так точно, не вызывали.

– Ну и на кой вы тогда приперлись? – икнув, генерал махнул рюмку и со стуком поставил тару на стол, – маячите перед глазами которую неделю уже. Вы мне скоро сниться будете.

– Очередная жалоба, Ваше высокопревосходительство. Местная жительница утверждает, что ее шестнадцатилетняя дочь была изнасилована солдатом нашей армии.

– Ну и что вы от меня хотите?

– Как что? – оторопел Петр и даже покраснел от удивления, – наказать надо гада.

– И где мне прикажете его искать? Поди, уже отправился к себе в какой-нибудь Урюпинск и рылом не чешет.

Петр задохнулся от возмущения:

– Но нельзя же все оставить как есть! Это уже пятое изнасилование за этот месяц. Солдаты вашей армии, господин генерал, позорят имя России. Мало того что братаются с врагами, дезертируют сотнями, не подчиняются приказам, так распустились до того, что издеваются над беззащитными женщинами.

Генерал с силой ударил кулаком по столу и резко встал:

– Ты, пацан! Да как ты смеешь? Ты что же, падла, не видишь, что все с ума посходили? Думаешь, я не докладывал куда следует, не писал Керенскому, и что в ответ? Все тычут мне в лицо постановлениями солдатских комитетов. И без тебя знаю, что давно уже немец гуляет по нашим деревням, давно знаю, что открыта наша граница, что не несут посты, пьют водку и жрут бюргерскую колбасу. Думаешь, я не просил их? – генерал пьяно покачнулся и схватился за край стола. Адъютант мигом подбежал, готовый подхватить, поддержать и хоть чем-то услужить своему генералу.

Семен Иванович отмахнулся от него, как от надоедливой мухи, и подошел к Петру. Ростом он был намного ниже поручика, это задевало его, и он отступил на пару шагов назад, дабы эта разница была не так заметна:

– Думаешь, не уговаривал их встать на защиту Родины? И что они мне ответили? Дуло автомата в рыло.

– Уговаривали? – усмехнулся Петр, – уговаривать – это дело Керенского. Вы же генерал, Семен Иванович, вы гордость и слава русской армии. Вас носили на руках в 15-м, заваливали благодарственными письмами в 16-м. Я гордился тем, что буду служить под вашим началом, вы идеалом для меня были. Неужели вы боитесь умереть? Неужели испугались угроз пьяных солдат? Куда же приведет нас революция, если уже сейчас генералы спиваются и не выходят на улицу, а их подчиненные насилуют несовершеннолетних и спокойно покидают армию?

Генерал устало опустил на стул.

– Вы правы, поручик, – горько согласился он, – я испугался. Вы даже представить себе не можете, насколько мне было страшно. Признаться, я и сам был удивлен своей трусостью. Еще год назад я размахивал шашкой и упорно вел армию к победе и вот спасовал перед кучкой пьяных мужиков. Наверное, события этого года оказывают на нас магическое действие. Кто вчера был ничтожеством, сегодня господин, начальник, кумир и повелитель! Сегодня модно быть простым мужиком, щелкать семечки, рыгать за столом, плевать и ругаться матом. Так приобретается уверенность в себе, хотя я бы сказал – пофигизм. По отношению к себе, к своему долгу, к своей стране и ко всем окружающим. Мы же, вчерашние «властители мира, прожигатели жизни и капиталисты, свесившие ноги на шеи бедных крестьян», потеряв поддержку правительства, узнали чувство, доселе нам незнакомое, – чувство страха. Я не знаю, зачем я здесь. Наверное, просто потому, что мне невыносимо возвратиться домой и напоротся там на хаос. Боюсь смотреть на то, что уничтожается все самое светлое и достойное, что было в России.

Петр молча смотрел на сторбившегося старика. Пара месяцев, и некогда великий полководец теперь никто.

– Я могу идти? – спросил он генерала.

– Я вас не задерживаю, – кивнул Семен Иванович и потянулся за очередной рюмкой.

Кипя от гнева, Петр выскочил из штаба и напоролся на двух солдат. Те сидели у разваленного забора и, покуривая папиросы, о чем-то шуточно переговаривались.

– Встать! – гаркнул Петр.

Двое безразлично оглядели поручика:

– Чего?

– Встать, я сказал! Здесь охранительный пост, а не кабак. Привести себя в порядок и занять наблюдательные позиции!

Один из солдат с трудом поднялся, из кармана галифе торчало горлышко полупустой бутылки. Вразвалочку он подошел к Петру и под смехок дружка показал поручику дулю:

– Во!

Петр с отвращением посмотрел на пьяного солдата и его грязные пальцы, сложенные в обидную фигуру. Вложив всю силу в удар, он отбросил рядового кулаком.

Его товарищ, выпучив глаза, моментально протрезвел и подскочил к Петру:

– Согласно постановлению солдатского комитета офицеры не имеют права заниматься рукоприкладством. Что вы позволяете себе?

Повторным ударом в челюсть Петр заставил замолчать визгливо кричавшего солдата и, убрав руки в карманы брюк, понуро направился в сторону казарм.

По дороге мимо проехал грузовой автомобиль с открытым кузовом, газанул по лужам и обдал грязной дорожной водой Петра. Из кабины слышались смех и разноголосое пение. Очередные дезертиры уже открыто, среди бела дня, покидали свои части.

Глава 7

В тихой Воронежской губернии около реки Гусь, обрамленная густым лесом, расположилась белоснежная усадьба Зуевых. С синими ставнями и широкой парадной лестницей здание возвышалось на холме над близлежащей деревней. Яблочная аллея, ведущая от высоченных резных ворот до самого входа, летом наполняла двухэтажное здание сладким ароматом плодов, а весной – едва уловимым цветочным запахом...

Здание усадьбы обступили одноэтажные постройки. До манифеста 1861 года в них проживали крепостные, а сейчас ночевали наемные работники да складировали ненужную рухлядь. За главным зданием в конюшнях пофыркивали сытые лошади, а на огородах зеленели всходы моркови.

Давным-давно, в 1745 году, молодой кавалергард Измайловского полка Андрей Зуев познакомил будущую императрицу Екатерину со своим другом Михаилом Ломоносовым. Молодая супруга наследника была восхищена умом и научными планами ученого, она присутствовала на экспериментах, слушала лекции Михаила и всячески содействовала начинающему естествоиспытателю.

Андрей Зуев участвовал в дворцовом перевороте. Вместе с братьями Орловыми именно он посадил на трон своевольную немецкую принцессу. Зуев беспрекословно подчинился приказам своей императрицы, не раздумывая, шел в бой с турками и тайно обожал Екатерину.

Любвеобильная императрица не замечала томных взглядов Зуева, но заслуг его не забывала, оказывала почести и дарила подарки. Уходя на пенсию, уже женатый к тому времени Андрей получил в дар от Екатерины II имение в Воронеже и более двухсот крепостных. Может быть, кто другой и был бы возмущен тем, что изгнан из столицы, но Зуев был рад на старости лет удалиться в тихую провинцию.

Так начались величие и богатство Зуевых. Конный завод приносил огромные доходы. Лошади Зуевых отличались грацией, выносливостью и прекрасным потомством. Имение получило название Зуево, в Воронеже появилась улица Зуева, в разговорах наездников встречалось выражение «нестись, как Зуев», то есть скакать во весь дух.

В середине прошлого века, когда отцу Анны было около восьми лет, а его старшей сестре Марии – двенадцать, состояние, накопленное веками, пало. Родители маленького Василия в один год друг за другом умерли. Воспитанием детей занялся дядя Евграф – высокий красавец с тонкими усиками и превосходным талантом открывать бутылки шампанского так, что пробки вылетали со свистом, пугая гостей и разбивая люстры. Когда отменили крепостное право, Зуевы начали беднеть. К тому же дядя Евграф узнал, что такое казино в Монако, и от сбережений Зуевых остались только воспоминания. Взрослеющую Марию пристроили в женский монастырь послушницей, а Василия отправили в Петербург – в военное училище.

Вернувшись через несколько лет в Зуево, Василий застал здесь умирающего от цирроза печени опекуна и полуразвалившийся дом. Похоронив родственника и навестив в монастыре сестру, Василий запер на замок родовую усадьбу и отправился служить России, чтобы вернуться сюда уже в сорокалетнем возрасте, привести в дом молодую жену, восстановить конюшни и наполнить стены родовой усадьбы детским смехом.

В доме провели электричество, на кухне сверкала газовая печь, побелили стены и развесили веселые шторы в детских. В гостиной на стенах в новеньких рамах висели портреты предков, на почетном месте в самом центре стоял бюст Ломоносова, которого, каждое утро смахивая пыль, в лоб целовала Анна.

В конюшнях насчитывались около восьмидесяти голов лошадей, в садах созревала малина, сквозь густую листву выглядывала красная клубника. Из деревни Зуевки приходили наемные работники, некоторые оставались ночевать в пристройках, другие возвраща-

лись в деревню. В доме помогала по хозяйству хохотушка Зоя, восемнадцатилетняя сирота с огненно-рыжей косой и веселыми глазами. Былое богатство Зуевых кануло в Лету, но семья счастливо жила в отдаленной усадьбе и работала наравне со всеми.

– Послушай, а вот если так? – Аля тонкими пальцами начала перебирать струны гитары.

– По-моему, хорошо, – Анна опустила голову на сложенные на столе руки и лениво наблюдала за ползающей по перилам божьей коровкой.

Стоял теплый летний день, тянуло ароматом яблонь, и настойчиво жужжали где-то поблизости пчелы. Александра и Анна расположились на открытой террасе, пили чай из полупрозрачных белых кружек в голубую крапинку и праздно болтали.

В деревне жизнь текла по-старому. Сажали огород крестьянин был уверен, что соберет пшеницу осенью, а зимой будет выпекать хлеб. Как и прежде, мамышки покрикивали на своих непослушных детей, деревенские мужики пили водку, в лесах промышляли охотники. Казалось неправдой, что там, в родном и прекрасном Петрограде, происходят убийства и избиения среди бела дня, как офицеров, так и простых граждан. Казалось невероятным, что голодные люди продают личные вещи и меняют фамильные драгоценности на дрова и муку.

В деревенской глуши Анна стала понемногу забывать пронизывающий ветер столицы, испуганные глаза прохожих, пустые витрины и пьяные возгласы матросов.

Отец со временем свыкся с мыслью, что прежней России уже не будет. Вернулся его интерес к жизни, радость от возвращения дочери и писем сыновей побудила старого генерала забыть на время о болезни и заняться прежними делами.

– Аля! – окликнула подругу Анна и встала со стула. – Вчера получили письмо от Петра. Он подал в отставку, на следующей неделе будет дома.

Александра резко покраснела и нервно схватила карандаш со стола.

– Чушь какая-то, – зло сказала она и перечеркнула записи в тетради.

Отложив гитару, графиня встала и, облокотившись на перила, сказала:

– По-моему, я пишу всякую дрянь. Какое мне дело до Петра Васильевича? Жив, здоров. Я рада за тебя и Василия Васильевича. Что же до меня лично, то мне безразлично, на войне Петр или здесь.

Анна улыбнулась и оглядела подругу. Александра Шувалова была шикарной во всем: в походке, в разговорах, в особом стиле поворачивать голову и улыбаться так, что собеседник миглом начинал чувствовать себя самым главным и дорогим человеком для этой молодой красивой девушки. Шикарными были ее светлые волосы, всегда изумительно уложенные и открывающие высокую белоснежную шею. Тонкая фигура, модные столичные платья и легкий аромат духов сводили с ума мужчин и приводили в ярость женщин.

Аля почувствовала взгляд Анны.

– Между прочим, наемни ко мне сватался князь Гуричев, – заметила она, покосившись на подругу.

– Согласилась?

– Нет, – Аля вернулась на свое место и взяла гитару, – ты и не представляешь, Анна, как я сожалею о своей глупости тогда, три года назад. Мимолетная ревность, и все. Петр потерял для меня навсегда.

– Ты знаешь, что это не так, – сказала Анна, слушая игру Али. – Если у вас настоящее чувство, то все наладится, стоит вам только встретиться.

– Нет, слишком поздно, – Аля медленно встала и засобиравшись, – я, пожалуй, поеду домой. Мне надо подумать. Скажи Игнату, чтобы растолкал моего бестолочь Гришку: пусть коляску запрягает.

Графиня остановилась на полпути в дом и обернулась:

– Я навещу вас через пару дней. Только это не из-за того, что Петр возвращается, а просто так. Хорошо?

– Конечно, – обрадовалась Анна и снисходительно улыбнулась подруге.

– Никогда мы не будем как прежде.
Об этом знаю не только я, но и ты.
И тучи сошлись над землею,
Обрушившись морем воды.
И, встав на колени пред иконой твоею,
Я молю тебя: «Сохрани...»

Глава 8

Как и обещал, Петр вернулся в Зуево в начале лета. Оказавшись в медвежьих объятьях отца, он наконец избавился от того сильного и неловкого напряжения, которое преследовало его с момента подачи рапорта об отставке. Он боялся осуждения или порицания отца-генерала. Страдал оттого, что дал слабину, не устоял перед соблазном очутиться вновь в родных стенах и забыть горечь безвыходного положения, сложившегося на фронте.

Василий Васильевич прижимал к себе сына и обливался радостными слезами. Петр заглядывал отцу в глаза, пытаясь увидеть горечь от разочарования, но там было лишь облегчение от того, что его ребенок наконец в безопасности, он дома. Можно не дрожать от страха, завидев почтальона, можно миролюбиво покрикивать на непослушных рабочих и знать, что его сын Петр жив и здоров.

Петр был невероятно похож на покойную мать: тот же взгляд – немного свысока, та же белоснежная широкая улыбка, те же темно-каштановые вьющиеся волосы и родинка около прямого красивого носа.

Генерал Зуев обожал всех своих детей, но Петр был его слабостью. Ему прощали мелкие шалости и нежно обдували поцарапанные коленки в детстве. Отец несколько раз за ночь поправлял одеяло на сонном мальчишке.

Сейчас Петру уже исполнилось двадцать шесть. Он стал высоким красивым мужчиной, прошел три года войны, видел слишком много смертей и поражений. Однако в первую ночь после возвращения сына генерал не удержался и вошел ночью в спальню Петра. Заботливо прикрыв одеялом его широкую грудь, он долго смотрел на умиротворенное и спокойное лицо спящего. Затем перекрестил сына и смахнул выступившие слезы.

Все старались угодить Пете: Анна наглаживала рубашки, Зоя проявляла мастерство в выпечке и по несколько раз процеживала молоко через марлю, даже управляющий Игнат, завидев вернувшегося молодого хозяина, твердо поклялся более никогда не притрагиваться к бутылке и верно нести службу.

Графиня Шувалова зачастила в Зуево. Анне было смешно и любопытно смотреть, как двое близких ей людей поначалу скованно и холодно обмениваются взглядами, а потом глаза их встречаются и загораются чувством. Любовь возвращается в измученные сердца с удвоенной силой.

В начале декабря вернулся домой и Феликс.

– К черту все, отвоевался! – стряхивая с себя налипший снег и обнимая подпрыгивающую от радости сестру заявил он. – Что старая власть о нас ноги вытирала, что новая – надоело! Осяду дома, женюсь, отращу огромный живот и, сидя в кресле, буду почитать газеты. Пусть другие воюют, делают революции и свергают царей, я пас. Понаблюдаю за свистопляской правительства со стороны.

– На ком женишься-то? – раскрасневшись от счастья и похлопывая Феликса по плечу, спросил генерал.

– Пока не думал, вот в Воронеж наведаюсь, там и осмотрюсь. Мож, на Зое женюсь.

– Ой, как вы самоуверенны, Феликс Васильевич, – рассмеялась Зоя, – и не пойду я за вас, хлопот не оберешься.

Весело пересмеиваясь, Василий Васильевич и Петр вели Феликса в гостиную поближе к камину. Тот присел у огня, с удовольствием протягивая обледеневшие руки к спасительному теплу.

– Вот и демократия. Даже перчаток у подполковника нет, – заметил генерал. – Аннушка, давай собери на стол чего-нибудь, голодный, поди?

Феликс кивнул, соглашаясь.

– С фронта прям сюда, ни крошки за всю дорогу. Нет бы сообщили, мол, война закончилась, всем – по домам. Так нет же, от немцев узнали! Мы по ним палим, пуль не жалеем, а они нам орут: мол, договор подписали, перемирие!

– Да, при царях такого не было, – горестно вздохнул Василий Васильевич.

– Ой, да ладно, отец, и монархи простой народ ни в грош не ставили, – Феликс подсел к столу и накиннулся на пищу.

– Мы поужинали уже, – извиняясь, сказала Анна, пододвигая к брату блюдо с пирожками. – Зоя курицу чистит, наскоро что-нибудь состряпает.

Как по волшебству, на столе появилась бутылка водки, мужчины наполнили стаканы и залпом опрокинули обжигающий напиток.

Анна сбегала на кухню и принесла соленые грибы и хрустящие маринованные огурчики. Разлили по второй. Пошли споры о политике, войне и Петрограде.

– А я тебе говорю, Петр, не быть более Петербургу столицей, как пить дать, переберется новое правительство в Москву. Они уже понежились на простынях бывшей императрицы, потоптались в кабинете Николая, более Петербург для них интереса не представляет. Да и что осталось от города? Брошенные квартиры, пустынные улицы и голод.

– Что же теперь будет? – испуганно спросила Анна, подсев поближе к старшему брату.

Феликс ласково приобнял ее и поцеловал в висок:

– Все хорошо будет! Как раньше жить будем, лошадей разводить, жениха тебе искать...

Анна покосилась на него с укором и, что-то вспомнив, вскочила и побежала на кухню.

– Ну а Алексей-то что? – услышала она голос Петра и остановилась на полпути.

– Лешка-то? Плюнул на все. Срезал погоны и, распахав их по карманам, отправился простым солдатом во французский легион. Ох и напилась мы с ним напоследок! – Феликс аж прихлопнул себя по колену.

– Зачем? – стараясь говорить спокойно, спросила Анна.

– Зачем напилась? – не понял захмелевший брат.

– Нет, зачем опять воевать пошел? Ведь Россия вышла из войны.

Все сидящие за столом с удивлением посмотрели на нее.

– Видишь ли, Аннушка, – прокашлялся отец, – существует такой тип людей, для которых война и есть смысл жизни. Для них дико и неудобно жить простой мирской жизнью, они редко создают семьи и умирают от старости. Есть военные, а есть воины. Так вот, Алексей, я думаю, из последних. Он посвятил свою жизнь защите Родины, для него враг – тот, кто хоть раз недовольно взглянул в сторону России. Германия – противник нашей страны. Да, сейчас подписан этот унижительный договор. Россия вышла из войны, но из нее не вышел Алексей, и я уверен, он будет продолжать воевать против того, кто направил оружие в сторону его Отчизны. Он доведет свое дело и исполнит долг до конца.

Феликс и Петр переглянулись, они понимали, что их отец где-то в глубине души все же хотел, чтобы они, как и Горин, продолжали воевать против Германии. Генерал никогда не скажет им об этом, никогда не намекнет на свои мысли, но все же слышалась горечь в его словах. Он жалел, что его сыновья так быстро сложили оружие.

Анна нервно схватила салфетку со стола и начала ее тереть, Петр разлил еще водки и потянулся за гитарой. Наступившее было напряжение в гостиной спало, мужчины закурили и продолжили спор о политике.

– Пойду посмотрю, что с горячим, – тихо сказала Анна и встала из-за стола.

На ярко освещенной кухне Зоя разрывалась между подгорающей курицей и бурлящей в кастрюле аппетитной картошкой.

Анна понуро подошла к незавешенному окну и прислонилась лбом к прохладному стеклу.

– Ты чего, Анна Васильевна? – отдуваясь, спросила Зоя.

– Я погибаю, Зоенька, – прошептала Анна, – погибаю мучительно и медленно. Как он может жить и не чувствовать, что я люблю его? Как он может дышать и не понимать, что я задыхаюсь от одного только воспоминания о нем?

Зоя тихо подошла и встала позади хозяйки. Ей было жалко смотреть на эти сгорбившую спину, поникшие плечи и вздрагивающие пальцы, которыми Анна чертила рисунки на запотевшем от дыхания стекле.

– Мне уже мало просто знать, что он есть, что жив. Моя любовь становится требовательной, эгоистичной и упрямой. Мне надо чувствовать его рядом, держать за руку, прислушиваться к биению его сердца. Я не знаю, как долго мне еще предстоит сходить с ума от разлуки, но я готова терпеть, лишь только зная, что он мой – полностью, неразделимо. Ужасно просто надеяться, мечтать и угадывать намеки в сказанных фразах. Мне надо знать, что я не безразлична ему. Что пульс его учащается при упоминании моего имени, при воспоминании обо мне. Зоя, он ушел во французский легион!

Анна повернулась к девушке и, встретившись с ней взглядом, расплакалась.

– Ну что вы, голубушка Анна Васильевна, милая! – Зоя прижала хозяйку к груди и взволнованно погладила ее по спине. – Вы же такая красавица, конечно, господин подполковник испытывает к вам самые нежные чувства.

– Нежные чувства можно испытывать и к своему коню, – заметила Анна, немного успокаиваясь.

– Напишет, обязательно напишет или приедет, вот увидите. Время сейчас такое. Радоваться надо, Анна Васильевна, братья ваши живы-здоровы, домой вернулись. Василий Васильевич помолодел аж, о болезни позабыл.

Анна утерла ладонью слезы и печально улыбнулась.

– Я радуюсь, Зоенька, правда, радуюсь. Все переживу, все смогу. Соперница у меня одна – война. А в остальном все прекрасно.

Глава 9

Дни плавно перетекали в недели, недели – в месяцы. Наступила весна 1918 года. Лидеры большевистского движения покинули полуразрушенный Петроград и перебрались в Кремль.

На юге собирал войска Деникин, на Кубани свирепствовал атаман Семенов, в Россию из эмиграции вернулся Колчак.

Смешивая населенные пункты с дорожной грязью, истребляя интеллигенцию и капиталистов, город за городом брали красноармейцы. Устанавливалась советская власть.

В России наступила новая эпоха – Гражданская война.

В Зуеве пока не чувствовалось перемен. Немного смущенные поначалу оттого, что все вместе собрались под одной крышей и не на каникулы или отпуск, а на долгое время, домоладцы быстро привыкли видеть каждое утро друг друга, вместе завтракать, отправляться в конюшни, работать в огороде.

Зоя, изнывая от жара печи и утирая пот, готовила сытные обеды, возмущаясь тем, как быстро исчезает пища в довольных ртах братьев. Анна вставала с рассветом, чтобы успеть сбегать в деревню за яйцами и парным молоком и порадовать мужчин пышными оладьями.

Старший брат стал немного беспокоить Анну. Его отлучки в город стали случаться чаще. Возвращался он за полночь и без сил валился на кровать. Взгляд стал задумчивей, движения – рассеянными. Порой Анна видела, как Феликс залпом выпивал спиртное, падал на стул и, обхватив голову руками, раскачивался из стороны в сторону. Петр, подшучивая и подмигивая Анне, был уверен, что Феликс влюблен. Девушка же не верила в любовное увлечение старшего брата, она понимала, что в душе Феликса творится что-то мучительно новое и непонятное.

Однажды, уже в начале лета, Анна, насобирав в подол молодых огурцов, шла из огорода в дом. У крыльца с поникшей головой стоял Феликс, в руках он держал молоток и деревянный брус, очевидно, собираясь починить сломанные перила.

Анна тихонько обошла брата и заглянула ему в лицо. Остекленевшие глаза, бледное лицо и посиневшие губы.

– Феликс, ты чего? Тебе плохо? – испуганно спросила она.

– Анна? – удивился он и, очнувшись, начал прилаживать брус.

Анна присела на крыльцо и, обтерев огурец о подол, протянула брату.

– Ух, молоденькие. Пупырчатые, – с удовольствием откусил он и, поглаживая починенные перила, присел рядом с сестрой.

– Феликс, что происходит? Мне страшно смотреть, как ты мучаешься.

– Что ты! – рассмеялся брат. – Мучился Иисус, а я так, раздумываю.

– О чем же?

– Это сложно, Анна, – хрипло прошептал брат, проведя ладонью по лицу.

– Объясни, молю тебя. Я давно не ребенок, я все смогу понять. Только не молчи.

Мужчина достал папиросы и глубоко затянулся:

– — Я никогда не рассказывал вам... В 1905 году, ты тогда совсем ребенком была, а мы с Лешкой еще в училище обучались. Забастовки были по городу, юнкера получили приказ подавить беспорядки на Невском, – Феликс взглянул на сестру и, встретив ее внимательный взгляд, отвернулся и продолжил: – Шашками мы тогда практически всех порубили. Зимой дело было, холод стоял страшный, кровь моментально в лед превращалась, скользили по ней, падали на трупы... Парень там был один, из рабочих, моих лет примерно... Помню, схватил он меня за воротник шинели и шипит: «За что? Свободы я просто хотел, учиться, как ты, работать и семью достойно содержать». А изо рта кровь пеной. Лешка тогда в обморок упал, а я возвратился в казармы с твердым решением застрелиться. Барабан проверил, дуло почистил, вам письмо написал, а тут дежурный с телеграммой: мама тогда умерла.

Феликс помолчал немного и судорожно вздохнул:

– Так получилось, что своей смертью она спасла мне жизнь. Правда, не знаю зачем. Может, для того, чтобы я когда-нибудь спас чью-то жизнь, более достойную и светлую?

Анна хотела было возразить, но Феликс протестующе замахал головой:

– Мне 32, Анна. Нет семьи и нет желания ее создавать, нет даже Родины. Развалилась она на две половины. Где правда? Где правильно? Голова кругом. Православный народ уничтожает друг друга, они, глупцы, даже не понимают, за что сражаются. Свобода, власть рабочим и крестьянам. И убивают тех же рабочих и крестьян, если они сопротивлялись советской власти. Но сами идеи! Это же прекрасно и удивительно – быть всем равными. Ведь это мечта любого патриота своей страны. Самодержавие уже более ста лет как изжило себя. Равноправие и демократия – вот символы нашей Родины. Ведь тысячи таких, как тот парень с Невского, рады будут получить образование и жить с уверенностью в завтрашнем дне. Вся беда в невежестве. Будь в рядах Красной армии побольше думающих голов, они бы уже давно одержали победу. Что может крестьянин с киркой наперевес против обученного офицера? Дотянуть их до своего уровня, обучить военной тактике, наладить пропаганду. Брать не силой, как это вошло в моду сейчас, а агитировать, чтобы зажиточный кулак сам захотел отдать лишнее беднякам.

– Ты хочешь пойти в Красную армию? – тихо спросила Анна, – этим ты мучаешься? Нет никакой роковой женщины, как предполагал Петр. Ты боишься, что папа и брат не поймут тебя, офицера царской армии, который собирается воевать против своих же однокурсников, вчерашних друзей.

– Я не знаю! – раздраженно воскликнул Феликс и встал с крыльца. – Но я не могу сидеть просто так на своем месте и делать вид, что мне это безразлично. А ты, Анна, ты бы поняла меня?

– Ах, Феликс, – Анна провела рукой по своей щеке и посмотрела снизу вверх на брата, – мне тяжело судить. Это, право, ужасно, что люди одной веры, говорящие на одном языке, не могут договориться о мире. Неужели, чтобы доказать свою правоту, надо проливать кровь? Ведь кто бы ни победил в этой войне, останется память о побежденных, о братьях. Как можно будет после этого жить в новом светлом государстве, если оно построено на крови миллионов? Мне непонятно, отчего убивают дворян, абсолютно не имеющих отношения ни к войне, ни к политике. Отчего вместо благодарности за многолетнюю благотворительность они получают пулю, а их усадьбы разворовываются и сжигаются? И мне непонятно, отчего brave офицеры, еще вчера защищавшие русский народ, сегодня вновь взяли за оружие, чтобы уничтожить этот народ.

Анна встала и взяла руки брата в свои:

– Какое бы решение ты ни принял, ты мой брат и я люблю тебя. Ты вправе мыслить и принимать собственные решения. Я не хочу, чтобы ты шел на войну, но, если тебе надо уйти, иди. До конца лета погоди только, всего пару месяцев поживи как простой человек, дай запомнить тебя, – Анна наклонилась и провела рукой по приделанному к перилам коричневому бруску. – И покрась этот инородок. Плотник, конечно, из тебя никудышный.

Глава 10

Анна не могла понять, что разбудило ее. То ли пение птиц в распахнутом окне спальни, то ли аромат кофе, то ли звук сабель. Очевидно, братья опять достали старинное оружие и устроили поединок в гостиной.

– По шее надаю обоим, если поломаете! – услышала она зычный голос отца и улыбнулась.

Вскочив с кровати, Анна сладко потянулась, умылась прохладной водой из кувшина. Беззаботно напевая, распахнула старинный гардероб и быстро облачилась в нежно-голубое платье с оборками на декольте и короткими рукавами. Вчера осталась ночевать у Зуевых Аля, они проговорили до поздней ночи, забравшись на кровать и держа перед собой подсвечник. Анна созналась подруге в своих чувствах к Горину, Аля поделилась своей страстью к Петру.

Глупо улыбнувшись и поддавшись девичьему кокетству, Анна вынула из вазы пару фиалок и вплела их в волосы. Покрутившись у зеркала и убедившись в своей неотразимости, девушка выскочила из спальни.

На витиеватой лестнице, перепрыгивая через ступени и азартно издавая боевой клич, состязались братья. Белые рубашки, распахнутые на груди, промокли от пота, на шеях поблескивали нательные крестики.

Анна, пригнувшись и смеясь, обогнула мужчин и, спустившись вниз, по привычке поцеловала бюст Ломоносова.

– Науку не разбейте! – крикнула она разгоряченному Петру. Тот взмахнул саблей и кинулся в атаку на Феликса.

Продолжая смеяться, Анна вошла в кухню и весело поприветствовала Зою.

– Чудные все какие-то сегодня, – заметила горничная. – Петр Васильевич пел с утра, никогда бы не подумала. Феликс Васильевич вызвался помочь...

– Это же прекрасно, что настроение отличное, – улыбнулась Анна и присела у ведра с грибами. Взяла один и с наслаждением понюхала. – Откуда такая прелесть?

– Мальчишки из деревни принесли на продажу, – ответила Зоя, переливая молоко из кувшина в графин. – Анна Васильевна, вишня осыпается уже, надо что-то делать, пропадает добро.

Анна решительно встала и подхватила поднос с горячими гренками.

– Решено. Сегодня у нас пирогов день. Устроим пир на весь мир.

– Чудные какие-то, – пробурчала Зоя вслед хозяйке.

Анна вышла на летнюю террасу и поставила блюдо на белый круглый стол. Аля лениво попивала кофе и время от времени прислушивалась к звукам из дома.

– Доброе утро, Аля.

– Доброе утро. Долго еще они там воевать будут? – нетерпеливо оглянулась она в сторону распахнутой двери.

– Пока папа не прогонит, – рассмеялась Анна.

Очевидно, рассвирепевший генерал уже утомил братьев, так как они, по-дружески подталкивая друг друга, выбежали на террасу и накинулись на завтрак.

– Господа! – повысила голос Анна, – провозглашаю сегодняшний день пироговым.

Петр и Феликс застонали.

– О нет, я еще помню вареников день, – смешно заломил руки Феликс и впился белоснежными зубами в булку. – Сжался, сестрица, прояви сострадание к ближним.

– Ничего не знаю, – сурово нахмурила брови Анна, – берите корзины и в сад за вишней!

– По ягоды пусть Петр и Александра идут. Сбор ягод настраивает на романтическую волну, – рассмеялся старший брат и тут же получил по спине полотенцем от Петра.

– Хорошо, Аля и Петя за вишней, а ты, Феликс, отправляйся на кухню и под надзором Зои чисти грибы.

– У-у, – вытянул он губы, – лучше тогда уж на воздухе. Петр с графиней после свадьбы нацелуются.

Старший брат увернулся от очередного удара Петра и, схватив стакан с молоком, залпом его выпил.

– За работу, господа, – Анна встала и важно хлопнула ладонями, – некогда прохлаждаться.

Ворча, братья поднялись со своих мест и, понутив головы, начали спускаться с крыльца.

– Ей бы войсками командовать. Похуже генерала Шторова, – услышала Анна возмущенные голоса братьев.

– Аля, ты как? С ними или со мной тесто месить?

– Ты же знаешь, что я рядом с Петей, – улыбнулась Аля и, прихватив со стула широкополую шляпу, поспешила за мужчинами.

Солнце стояло в зените, согревая все вокруг своими по-летнему длинными и теплыми лучами. Вся усадьба утопала в ароматах цветущих деревьев и скошенной травы. По-домашнему уютно пахло свежей выпечкой и сладкой вишней.

Все окна на кухне были открыты настежь, однако в комнате стоял невероятный жар от печи.

– И куда мы столько намесили, Анна Васильевна, не съедим ведь, – вздохнула Зоя, утирая пот и заталкивая белоснежное вываливающееся тесто в кастрюлю.

– Работникам раздадим, в деревню снесем. Мальчишки, те, что грибы принесли, чьи будут?

– Валерьяна Котова сыновья. Обрадуются, конечно, – Зоя вытащила шмат теста и начала мять его руками. Шум с улицы отвлек ее, она вытянула шею, пытаясь разглядеть в окно, что там происходит.

– Приехал вроде кто-то...

Анна отложила нож, которым чистила грибы и, обтерев руки, подошла к окну. Она увидела двух приближающихся всадников в военной форме. Узнав одного, девушка вскрикнула и, отпрянув от окна, прижалась спиной к стене.

– Вы чего? – удивилась Зоя.

– Это он, Зоенька. Алексей Константинович это, – испуганно прошептала Анна. – Что же делать?

– К пиру и гости, – одобряюще кивнула хозяйке Зоя, – что делать? Гостей встречать, как и подобает добродушной хозяйке.

Анна оторвалась от стены и, глубоко вздохнув пару раз, поспешила навстречу гостям.

Каждый вечер, засыпая, она думала о нем. Утром приветствовала его образ, словно он находился рядом: протяни руку и дотронься. Миллионы раз она релетировала встречу с ним: что скажет, как склонит голову, как улыбнется. Она никогда не забывала его последних слов, сказанных на перроне. Он писал ей, Господи, она бы полжизни отдала, только бы прочесть строчку из письма. Пусть это будут по-мужски немного грубые повествования о боях, пусть описания побед, но эти строки предназначались ей одной! Она не видела его больше года, казалось, вся жизнь прошла в тоске по нему. В молитвах она неустанно поминала его имя, моля Господа о его спасении и здравии.

И вот он здесь: не призрачный фантом, а настоящий, улыбающийся и еще более красивый, чем в последнюю их встречу.

Анна спустилась с крыльца и мило улыбнулась, когда Алексей, спешившись с коня, поцеловал ей ручку.

– Анна Васильевна, прошу прощения за неожиданное вторжение, но запахи из ваших окон так обворожительны, что я не смог устоять и проехать мимо.

– Значит, вас привлекли только пироги? – кокетливо поинтересовалась Анна.

– Вы же прекрасно знаете, что нет, – серьезно ответил Горин и с удивлением заметил, как покраснела девушка. – Позвольте представить вам подпоручика Васюткова.

Михаил, смущенно переступая с ноги на ногу, неловко поклонился.

– Мы рады вам, правда, – вновь улыбнулась Анна. – У нас сегодня пирогов день, так что вы, господа, очень кстати. Вы, должно быть, устали с дороги?

– Я в порядке, – заверил Алексей, – а Михаил четвертые сутки в седле, не сочтите за наглость...

– Конечно, – согласилась Анна, – у нас полно свободных комнат. Отдыхайте. К ужину вас разбудим.

– Да что вы, барышня, из простых я, мне бы на соломе в конюшне...

– Вы с ума сошли? – возмутилась Анна. – Вы наш гость, а наши гости не спят в конюшнях.

Кликнув Зою и поручив ей Михаила, Анна повернулась к Алексею:

– Вам тоже не мешало бы отдохнуть, Алексей Константинович.

– Променять минуты общения с вами на сон? Это, простите, невозможно.

Из-за дома послышались приближающиеся голоса братьев. Завидев Алексея, они наперебой кинулись приветствовать его, жать руку, хлопать по спине и зычно выкрикивать:

– Лешка! Живой! Здоровый-то какой стал!

Анна ревностно наблюдала, с какой легкостью и небрежностью ее братья общаются с тем, от одного вида которого у нее замирает сердце и кружится голова.

После ужина было решено сыграть в карты. Необыкновенный день подходил к концу. Разбуженный братьями Васютков наспех проглотил предложенный Зоей ужин и, еле передвигая ногами, отправился досыпать.

За круглым освещенным слабым светом абажура столом Алексей оказался рядом с Анной.

– Не знал, что вы играете в карты, – шепотом заметил он, слегка наклонившись к девушке.

– Это наше семейное пагубное увлечение. Мама очень любила так развлекаться по вечерам, – Анна резко подняла голову от карт, которые тасовала, и посмотрела на Алексея. Его глаза были слишком близко, так близко, что можно было рассмотреть темные крапинки у зрачков. От мужчины пахло табаком, одеколоном и чем-то близким и родным. Смутившись, Анна опустила голову.

– На что играем, господа? – Петр потянулся на стуле и с азартом посмотрел на окружающих. – Зоенька, будь добра, принеси нам коньяку.

– Только не на желание! – засмеялась Аля. – Не желаю, как в прошлый раз, проскакать верхом сто верст, чтобы купить вам, милейший Феликс Васильевич, английских папирос.

– Феликс, не знал, что ты так жесток к дамам, – заметил Алексей, беря со стола фужер с коньяком. – Идея на желание заманчива, я – за.

– Дорогая Аля, Феликс обещает быть снисходительным, я за него в ответе, тем более брат сегодня в прекрасном расположении духа, – Петр наклонился и поцеловал руку графине. – Без вас игра потеряет всю прелесть.

– Хорошо, Петр, но только в последний раз и только ради того, чтобы не оставлять Анну наедине с такими мужланами, как вы.

Феликс на это лишь усмехнулся и, закинув ногу на ногу, со вкусом закурил.

– Значит, в Омск направляетесь, Алексей Константинович? – генерал хмуро разглядывал свои карты.

– Так точно.

Феликс странно дернулся и резко затушил папиросу:

– Не знал, что ты фанат Колчака.

На минуту в гостиной воцарилась тишина, все удивленно повернули головы в сторону Феликса.

Алексей побарабанил пальцами по столу и исподлобья посмотрел на друга:

– Я фанат своей Родины, кому, как не тебе, об этом знать. Да, я направляюсь под начало верховного правителя России, чтобы прекратить тот ад, который устроили большевики.

Феликс скрестил руки на груди.

– Это вы правильно говорите, Алексей Константинович, – кивнул головой генерал. – То, что сейчас происходит в России, невыносимо и необъяснимо. Армия развалена, к высшим чинам никакого уважения. Убиты генерал Лазуров, Молотов. Растерзан в собственном доме министр Котов, я не говорю уже о низших чинах: их просто истребляют, как саранчу! Уничтожаются цвет нации, аристократия, дипломатия, духовенство... Во все времена тираны именно так и поступали, отрубая голову думающую, оставляя лишь безгласное тело. Убийства в селах, грабежи, насилие – такими методами новую Россию не построить. Давно уже пора было положить конец этим безумствам. Ведь, подумать только, сколько создано партий за последние десять лет! Меньшевики, большевики, эсеры, правые, левые, кадеты (причем, как правило, именно кадеты и не состоят в этой партии), трудовики, социалы, социал-демократы... Все митингуют, бастуют. Очень модно стало взорвать какого-нибудь губернатора. Да, все думают по-разному, но только о себе. Страну не жалко. У всех у них одна цель – власть, а что они с этой властью будут делать, сами пока не придумали. Нет, управлять Россией должен только монарх. Россия без царя что собака без хозяина. Поначалу она радуется свободе, бесцельно носится по улицам, лает, на кого вздумается, но со временем завшивеет, обрастет нечесаными ключьями. Прохожие, которые ранее восхищались ее лоском и ухоженностью, теперь смотрят на нее с сожалением и брезгливостью. В итоге одичавший пес поддыхает в подворотне. Испокон веков на Руси были цари, русский народ не привык сам что-либо решать. Возможно, потом, через пару веков, и будет демократия у нас, но только не сейчас, когда крестьяне еще толком не отошли от отмены крепостного права. Люди пока еще сами не понимают, что им делать со свободой, вдруг свалившейся на них.

– На Кубани и на Дону восстали казаки, еще немного, и белогвардейцы одержат достойную победу, – заметил Петр, подглядывая в карты Александры.

Собравшиеся за столом раскрыли карты. Выигрышная комбинация оказалась у Феликса.

– Никогда не знаешь, на чьей стороне выигрыш. Как ты можешь, мой дорогой брат, так смело утверждать, что белые победили когда в селах и деревнях ежедневно поднимаются сотни крестьян, рабочие бросают станки и берутся за оружие? – Феликс отпил из своего фужера и взял карты из колоды. Он чувствовал на себе взгляд Алексея и старался не смотреть в сторону друга. – И не потому, что им надоело пахать или мастерить серпы, а потому, что они верят в справедливость. Верят, что победа приведет их к свободе, равенству и спокойствию за будущее своих детей. Потому что все устали от войн, придуманных царями, от законов, по которым жить невозможно, от невероятных налогов и темноты необразованности.

– Если ты скажешь, что ты большевик, то я пойду и застрелюсь, – рассмеялся Петр. Старший брат нахмурился.

– Я не принадлежу ни к какой существующей партии, если ты об этом, но я против старой власти. И, о да, царь мне мешал.

На секунду за столом воцарилась тишина. Анна с испугом смотрела на Феликса, она поняла, что назревает гроза. Встретив взгляд брата, она увидела в его глазах такое отчаяние и упрямство, что от жалости у нее защемило сердце и вспотели руки.

– Феликс! – генерал стукнул кулаком по столу и резко встал.

– Ох уж эти лозунги о свободе и равенстве, – стараясь казаться спокойным, проговорил Алексей, залпом опустошая свой бокал. – Что такое свобода? Это когда ты не заключен под стражу, когда можешь пойти, куда тебе велит сердце, можешь выбрать себе супругу по желанию, можешь поехать за границу, ведь мир так интересен. Можешь приготовить себе отменную уху на ужин или же зажарить гуся. Все это мы могли себе позволить и при царе. Конечно же,

если человек совершил преступление, он лишен этой свободы, что в принципе и естественно, ведь порок должен быть наказан. Та же свобода, о которой так громко кричат господа-большевики, – это не свобода, а вседозволенность. Человек – сам себе бог, и, значит, ему все можно. Можно позабыть о нравственности, вежливости, забыть, что такое сострадание и великодушие. Разрушая церкви, они призывают убить веру в Бога, убить Бога в человеке. Ведь нас с пеленок приучали к тому, что Всевышний видит нас и все мы будем иметь ответ перед ним. Ну а если нет Бога, тогда нет и страха, нет и ответственности. Тогда человек сам – божество и божество свободное, но, увы, смертное. И нету царствия небесного, так что берите, товарищи, от жизни все самое лучшее, и пусть идут к черту ваши заповеди о «не укради» и «не убий». Образование? Мой друг, насколько мне известно, по образованности Россия до данного момента занимала лидирующее место. И не надо мне говорить, что образование может получить только ребенок из высшего сословия, в вашей гостиной стоит бюст человека, который опроверг это ошибочное мнение. Равенство! Кто равен? Работяга и лодырь? Дурак и умный? Покажи мне двух одинаковых людей! И за эту идиотскую идею положили миллионы жизней и еще столько же положат. Дорогой Феликс, ты не настолько наивен, чтобы не понимать, что какая бы власть ни была, всегда будет кто-то над кем-то и кто-то под кем-то. Да! Старая власть. И чем же она тебе не угодила? Может, тебя обделили жалованием или не оценили твоих заслуг? Ты всегда был обласкан наградами и похвалой. И ты присягал старой власти.

– Увы. И сто раз об этом жалел, жалел в 1905 году, в Черногории, в германскую войну. В этом у нас с тобой различия, Леша. Ты обожаешь царя, я же его ненавижу. Я присягал Отчеству и воевал за него, ты присягал царю. Для тебя его слово – закон, он для тебя – луч света и бог, это я понял еще на присяге. Опомнись, друг, он ведь даже понятия не имеет о твоём существовании!

Алексей сжал кулаки, на лбу вздыбилась огромная вена, все говорило о негодовании и возмущении подполковника.

– Феликс, ты пьян! – устало махнул рукой генерал и повалился на стул. Анна поднесла к губам отца стакан с водой и с укором посмотрела на братьев.

– Я, как никто другой, радовался революции, – усмехнулся Феликс, – стоя рукоплескал, когда узнал об отречении. Наконец-то кончилось время рабства в России. Я люблю тебя как брата, ты знаешь об этом. Мне тяжело и неудобно говорить тебе все это, но я человек со своими чувствами, мыслями и хочу поступать, как того требует моя совесть. Ты же слепо мчишься за образом царя, оттого и Колчак, а не какая-то другая армия. Ведь только контр-адмирал был против отречения Николая. И понимая вашу цель – разбить Красную армию, уничтожить восставших и вернуть на трон Романовых, я готов отдать свою жизнь, чтобы противостоять вам.

Громко отодвинув стул, Алексей вскочил на ноги и встал лицом к лицу к поднявшемуся со своего места Феликсу:

– Мне очень жаль, что ты думаешь именно так. Мне всегда казалось, что мы лучше знаем друг друга, – лицо его сильно побледнело, то и дело сжимая и разжимая кулаки, он с сожалением смотрел на Зуева. – И мне очень жаль, что ты поддерживаешь тех, кто развалил армию и тем самым опозорил страну.

– Не развалил, – поднял указательный палец Феликс, – а узаконил порядки и установил равноправие.

– Армия – это подчинение, четкая иерархия, где приказы выполняются беспрекословно. Нет дисциплины – не будет и вооруженной силы, а будет огромный дискуссионный клуб. Как в итоге и получилось. И позор всем нам, что оставили безвинными тех, кто трусливо бросил фронт и обесценил миллионы солдатских жизней, уже принесенных на алтарь победы. И я не понимаю, о каком рабстве ты ведешь речь. Крепостных у нас давно уже нет, воинская служба тоже дело добровольное.

– Выполнение чужой прихоти, убийства ради политической гонки. Ты не считаешь это невольничеством?

– Эту войну не мы затевали. Выполнение приказов, а не прихоти, как ты выразился, – это есть долг и обязанность любого солдата и офицера. Достаточно считать себя рабом, чтобы быть им.

– Надо уже мыслить серьезно, Алексей, – нежно прошептал Феликс, кладя руку на плечо Горину, – ведь ты сын России. Кухонные сплетни пора позабыть, не будь столь наивен, Леша.

Алексей раздраженно сбросил руку Феликса:

– Мне кажется, что мы говорим о разных вещах. И не надо мне напоминать о глупостях детства. Тем самым ты наносишь мне непростительные оскорбления. И, более того, своими намеками ты унижаешь честь моей матери! Ты раздражен? Объясни мне чем. Может, моим присутствием или же моим желанием служить в белогвардейской армии?

– Боже, Петр. Сделай же что-нибудь, – схватила за щеки Александра и умоляюще посмотрела на своего возлюбленного.

– За те слова, что они говорят друг другу, я могу только расстрелять их в упор, – как всегда шутя, проговорил Петр. – Но боюсь, что это будет не самое приятное зрелище для вас. Я прошу вас, милая Аля, не примите за труд, поищите в библиотеке какой-нибудь легкий французский роман, чтобы я мог прочесть вам его.

Графиня испуганно подскочила и, благодарно взглянув на Петра, поспешила из комнаты.

Как только за девушкой прикрылась дверь, Петр тут же подскочил к стоявшим на своих местах мужчинам и встал между ними:

– Понятия не имею, о чем вы тут спорите, но, господа, вы не настолько пьяны, чтобы не осознавать, что сейчас рушится ваша многолетняя дружба. Более того, своим петушиным поведением вы мараете честь офицерского мундира. Затеяли спор в присутствии отставного генерала, в присутствии дам! Стыдно, господа. Мне сложно поверить в то, что ты, Феликс, сейчас все это говорил. Радовался революции? Ты забыл, во что превратила эта революция наши войска, наш тыл? Революции везде и всегда одинаковы. Начиная с лозунгов добра и справедливости, они быстро устанавливают виселицы и гильотины.

Феликсу было неприятно видеть гневное лицо брата, но, встретившись с ним взглядом, он не мог не улыбнуться:

– Дерево свободы должно время от времени орошаться кровью патриотов и тиранов. Это его естественное удобрение.

– Милый мой сын, – еле слышно прошептал старый генерал со своего места, – как же ты наивен и глуп. Неужели ты и вправду веришь, что эта война принесет равноправие? Алексей Константинович прав, увы. Пока людям присущи такие качества, как алчность, зависть и жажда власти, демократии не бывать. И хоть поистребляйте друг друга, в этой войне не выяснится, кто прав, а выяснится, кто остался. Каждый из вас по-своему прав, но беда ваша в том, что правда у вас разная. Дорогой мой сын, смею напомнить тебе о смуте в начале семнадцатого века, страна была на волосок от гибели, еще немного, и мы бы все стали подданными Польши. В стране царили голод, разруха и беспощадное истребление друг друга. Сейчас на наших глазах происходит то же самое. Пожалейте Россию, мои мальчишки, сжальтесь над русским народом, ему и так предостаточно досталось.

– Ах, папа, как же вы невозможно стары, – печально посмотрел на отца Феликс.

– Выходит теперь так: не я за тебя и ты за меня, а ты против меня и я против тебя? – прошептал Алексей, глядя в упор на Феликса.

– Скорее так, ты против меня и я против тебя.

Алексей растерянно посмотрел на окружающих:

– Мне, пожалуй, пора. Анна Васильевна, благодарю за прекрасный вечер, – Алексей дрожащей рукой взял ладонь Анны и нежно поцеловал.

– Прошу вас простить меня, – он склонил голову перед генералом.

Пожав руку Петру, подполковник обернулся в сторону Феликса:

– Честь имею.

Феликс сел на стул и залпом опрокинул очередную рюмку.

Как-то незаметно опустела комната. Анна вышла провожать Горина, Петр с Александрой, тихо перешептываясь, ушли наверх. Старый генерал с трудом поднялся со своего места и, опершись на стол, взглянул на сына. По его серому лицу было видно, как сильно расстроил его этот разговор.

– Доброй ночи, Феликс.

Феликс проводил взглядом вышедшего отца и подошел к распахнутому окну. Наблюдая, как Анна что-то говорит Алексею и как из дома вышел заспанный Васютков, подполковник достал папиросу и задумчиво ее покрутил.

Вскоре послышался удаляющийся цокот копыт.

Феликс закурил и посмотрел на тонкую струйку дыма от папиросы. Он знал, что его не поймут, не примут и осудят. Он много передумал за последнее время, знал, что потеряет друга, брата, семью и, возможно, жизнь. Но принимать все как должное и покориться вновь судьбе он не хотел. Сражаться за то, во что веришь, служить той стране, в которой все равны и счастливы, и просто жить так, как считаешь нужным, а не так, как того требуют устав и положение, – все это теперь стало смыслом для него.

Затушив папиросу и выбросив окурочек в окно, Феликс обернулся и увидел около двери Анну.

Когда брат подошел, Анна отодвинулась в сторону и прижалась спиной к стене.

– Спокойной ночи, – Феликс наклонился, чтобы поцеловать сестру на ночь. Девушка, зажав губу, отстранилась. – Прости за испорченный вечер.

Опустив голову, Феликс широким шагом направился вверх по ступеням.

– Что же я наделала? Ведь он совсем один. Я ведь обещала ему все понять и принять. Что же я за сестра, если бросаю и осуждаю близкого мне человека тогда, когда весь мир и так против него?

Анна соскочила с кровати и поискала в темноте халат. Кое-как завязав пояс и откинув назад непослушные волосы, она тихонько вышла из комнаты. На цыпочках прокралась до двери в комнату старшего брата.

– Феликс, ты спишь? – постучав, она приоткрыла дверь и вошла. Строго заправленная кровать, зажженный ночник у изголовья, мундир на спинке стула и старенький паровоз на полке рядом с книжками. Услышав странные звуки снизу, она выбежала из пустой комнаты и спустилась на первый этаж.

У распахнутой входной двери, широко расставив ноги, одетый в ночную рубашку до пола, стоял отец и смотрел на улицу.

Порыв ветра сорвал с него старинный ночной колпак и заколыхал белый лист бумаги, зажатый в руке, – прощальное письмо Феликса.

Через неделю вслед за Алексеем из дома засобирался и Петр.

– Поплотнее укладывай, – прикрикнул он на Игната, укладывающего на коня мешки с провизией и кормом. – Не пей тут без меня.

– Так точно, ни капли, Петр Васильевич, да и ведь сухой закон.

– Для вас законы не писаны. Не продают, так сами нагоните, – пробурчал Петр и погладил лошадь. – Ну что, Ласточка, готова?

– Храни вас Господь, барин, – прослезился Игнат.

– И тебя, – похлопав по плечу управляющего и поцеловав заплаканную Зою, Петр подошел к Анне, стоявшей на крыльце.

– Все будет хорошо, Анна, – обнял он сестру. – Вчера был у Шуваловых, объяснился с Алей. На Рождество мы обвенчаемся.

– Почему так нескоро?

Петр улыбнулся, отчего лицо его стало мальчишечьим и робким.

– Аля капризничает. Говорит, папа с матерью на Рождество венчались, всю жизнь счастливо прожили, и она так хочет. И чтобы снега кругом много было.

Анна прижалась к Петру.

– Отца береги, себя жалея. Все у нас будет хорошо, – брат отстранился от Анны и вскочил на коня. – Когда вернемся, закатим пир! Виват, сестренка!

Подняв коня на дыбы и махнув рукой провожающим, он пустился галопом в сторону ворот.

Анна посмотрела на облако пыли, оставшееся от копыт резвой лошади, и поднялась по ступеням. Около входа, прижимая белый платок ко рту, рыдала Зоя. Анна остановилась и, не поворачивая голову в сторону горничной, строго сказала:

– Не реви, Зоя, они вернутся. Обязательно вернутся. Они обещали.

Оказывается, как мало надо для счастья. Надо просто просыпаться от громких мужских шагов, надо, повязав передник, готовить завтрак, развешивать белоснежные рубашки и чувствовать, что они рядом.

Как много надо приложить сил, чтобы собраться вместе. Надо пройти войну, лишения и беды. И как мало надо, чтобы все это потерять.

Дом опустел, темные стены казались еще темнее из-за опущенных штор. В углу лежали разбросанные братьями сабли. Неужели всего неделю назад? Теперь казалось, это было в прошлой жизни. Хмуро поглядывал на грустную девушку бюст Ломоносова.

Анна поцеловала холодный мрамор и прошла к отцу в комнату. Тот сидел у окна в кресле и кутался в махровый плед.

Анна присела у ног генерала и положила голову ему на колени.

– Что же нам теперь делать, папа?

– Жить, Аннушка, – старческой рукой отец погладил дочь по волосам. – Жить и молиться о том, чтобы они не встретились в бою.

Глава 11

Село Ботавино. Орловская губерния. Август 1918 г.

Штаб белогвардейской армии расположился в одноэтажном доме кузнеца Гаврилина, который, опасаясь карательных отрядов, бежал с семьей, прихватив нехитрые пожитки и оставив на стене нацарапанную гвоздем надпись «Подавитесь!».

Петр пытался стереть это послание или хотя бы сделать менее заметным. В итоге на стене образовалась отвратительная дыра, которую Алексей прикрыл картой местности.

Все немногочисленное население Ботавина побросало свои дома и, перегоняя коров и коз, обозом двигалось вдоль Оки. Деревня встретила завоевателей пустынными улицами, распахнутыми окнами покинутых домов и дикими звуками некормленных свиней. На площади возвышалась опустевшая церковь – единственное высокое здание в деревне. Когда-то здесь крестили младенцев, отпевали покойников, под венец шли смущенные невесты. Блестящий купол поблескивал на солнце, как бы напоминая людям о былом величии православия. Сейчас колокол смиренно молчал, лишь изредка его свободно болтающийся язык издавал глухое «дон-н».

Поручик Андреев подошел к карте и, обращаясь к сидящим за столом офицерам, заметил:

– Вот здесь мы засекли партизанский отряд, – указал он в сторону леса. – Со стороны Оки движется артиллерия, разведка насчитала тринадцать пулеметов и три пушки. В стороне поля замечена кавалерия.

– Численность? – Алексей потер усталые глаза и оглядел сидевших. Капитана Смородько, худого сорокалетнего мужчину с глазами навывкате, которые, казалось, готовы были выпасть наружу, и с огромным кадыком. Порой Алексей, как замороженный, наблюдал за этой перекачивающейся вверх-вниз шишкой. Также беззаботно подпирал рукой висячий подбородок полный поручик с весенней фамилией Ромашкин, добродушное лицо которого украшала широкая улыбка.

Мрачный Петр попыхивал папиросой:

– Около восьмисот человек.

– Мы в мешке, господа! – стукнул по столу кулаком Смородько.

– Иван Сергеевич, что там с боеприпасами? – обратился Горин к Ромашкину.

– Эшелоны застряли под Орлом, все пути заставлены поездами, – как всегда, улыбаясь, ответил поручик и развел руками, поясняя: – Беженцы.

– Не могу понять, почему красные не наступают, – Петр поднялся и прошелся по комнате. – Они окружили Ботавино, оружие приготовлено к бою. Почему не наступают?

– Стесняются, – рассмеялся Ромашкин. Смородько закашлялся в кулак, от кашля кадык подскочил до самого подбородка.

Алексей отвернулся, чтобы не видеть этого жуткого зрелища, и встретился взглядом с Петром:

– Думаю, сегодня они и наступят.

– Почему сегодня, Алексей Константинович? – капитан прекратил кашлять и уставился на подполковника огромными голубыми глазами. Алексей капитана терпеть не мог.

– Потому что каждому солдату известно, что мы ожидаем оружие и оно будет со дня на день.

– Вы думаете?..

– Я уверен, что среди белогвардейцев завелась красная крыса. Не думаю, что враги окажут нам такую любезность и подождут до завтра. Если наступят сегодня, то, увы, мои догадки верны и среди нас есть предатель.

Неожиданно дверь распахнулась, вбежал связист, держа в руках телеграмму и глупо моргая:

- Господа! Ваше высокоблагородие...
- К нам едет ревизор, – заржал Ромашкин.
- Сообщение из генштаба, господа.
- Ну, – поторопил его Петр.

«По постановлению исполкома Уральского областного совета рабочих, крестьян и солдатских депутатов в ночь с 16 на 17 июля сего года был расстрелян бывший император российской империи Николай II. Вместе с ним были расстреляны его семья, а также прислуга и доктор цесаревича Алексея, лейб-медик Е. С. Боткин. Прилагаются все силы по расследованию сего преступления и наказанию убийц. В дом инженера Ипатьева, в г. Екатеринбург, где были убиты господа Романовы, направлен следователь Меркулов А. А. Подпись А. В. Колчак».

Алексей резко встал и громко откинул стул. Казалось, под ногами разверзлась пропасть, готовая поглотить подполковника. Стало трудно дышать. Хватая ртом воздух, на ватных ногах, шатаясь, словно пьяный, Алексей подошел к окну и распахнул его.

– Это не может быть провокацией со стороны большевиков? – глухо спросил он. В комнате стояла тишина, все были ошарашены известием. – И цесаревича? И девчонок? Их-то за что?

Алексей провел ладонью по лицу и отодвинул воротничок гимнастерки:

– Душно-то как...

Отдав честь, связист положил телеграмму на стол и направился к выходу, столкнувшись на пороге с вбежавшим Васютковым.

– Красные, – выдохнул Михаил.

Алексей обернулся и непонимающе посмотрел на Васюткова. В голове звучали слова мальчика из прошлого: «Знакомьтесь, это Фигаро, а это Серафима...»

– Объявить общее построение! – приказал он, немного придя в себя.

– Чем воевать, Алексей Константинович? Ни одного заряда, – кадык капитана скатился вниз.

«Признак испуга», – подумал Алексей.

– Пуля – дура, штык – молодец, – мрачно ответил подполковник и посчитал патроны в своем револьвере. Четыре. А в голове навязчиво крутилось: «И обязательно дороги, господин поручик, ведь только из-за отвратительного состояния дорог мобилизация армии заняла столько времени...»

– Думаешь, это неправда? – спросил Петр Алексея на пороге дома, ну, насчет императора.

– Это слишком ужасно, чтобы быть неправдой. Вполне в духе большевиков избавиться от всех Романовых. Даже отреченный Николай II для многих из нас оставался императором, а его сын – цесаревичем. Васютков! Миша, давай на церковь под колокол, на тебя вся надежда, убирай артиллеристов к чертовой матери, патронов мало, так что поэкономней там.

– Есть, – Васютков схватил снайперскую винтовку и выбежал наружу.

– Андреев! Найти предателя и привести живьем, понятно? Петр, давай бери отряд и на поля с левого фланга, Смородько справа зайдет. Да, и Петр... – Алексей положил руку на плечо друга, – аккуратней там, не геройствуй особо.

Петр отдал честь подполковнику и вскочил на коня.

– Сотня, за мной! – выкрикнул он солдатам.

Алексеем подвели его вороного пританцовывающего от нетерпения коня. Горин легко вскочил в седло и направился к лесу, где шло наступление партизан.

Отряд белогвардейцев уже выстроился в две шеренги, сомкнув штыки. Алексей выхватил пашку из ножен и легкой трусцой пустил коня вдоль пехоты. Он хотел выкрикнуть солдатам

удалое и устаревшее: «За Веру, Царя и Отечество!», – но передумал. Царь уже не авторитет и даже не символ, остались Вера и Отечество.

– За свободу! За честь России! Во имя павших в войне с Германией и за непоколебимое православие! Ура! – лошадь встала на дыбы от громких выкриков солдат. – Ура! Ура! Ура!

Алексей пришпорил коня и пустился вперед, навстречу русскому народу, поднявшемуся против царизма, буржуазии и Бога.

В голове неумолимо звучал голос: «Не трачу своего жалования, все пойдет на благо России». И прищур детских глаз на солнце...

Пули свистели у самого лица, слышались стоны упавших позади солдат. Размахивая шашкой и издавая нечеловеческий рык, Алексей рубил тех, за кого сражался еще год назад.

Война на Балканах, в Черногории, с Германией... Подполковник Горин привык убивать, привык видеть смерть. Он всегда рубил врага, того, кто посмел замарать честь и достоинство России или унижил родной славянский народ, но никогда он и подумать не мог, что придется когда-нибудь истреблять врага внутри страны, истреблять русских.

Взмах сабли, брызги крови по лицу. Еще удар, и партизан упал под копыта вороного, который тут же подмял его под себя. Удар слева, рассечено лицо, прикрытое наполовину бородой. Справа...

Алексей уже не всматривался в лица убитых. Ловко изворачиваясь в седле, не замечая стекающий по лицу пот вперемешку с кровью, он махал, как одержимый, шашкой – единственным оружием, которое осталось у офицеров и солдат белой армии.

Вдруг у самого уха послышался смех цесаревича. Алексей обернулся и понял, что понемногу сходит с ума. Надо сосредоточиться на битве, надо во что бы то ни стало победить.

«Я никогда не забуду наш разговор и вас, поручик Горин».

Пуля пронзила коня под Алексеем. Едва успев вытащить ноги из стремян, подполковник кувыркком скатился на землю, шашка выпала из рук. Он подхватил винтовку, брошенную кем-то и, прицелившись, выстрелил в противника.

Сколько все это длилось? Час, два, а может, и сутки. Алексей ничего не замечал вокруг, кроме направленных в сторону его армии дул винтовок.

Продвигаясь к лесу, Горин прогонял партизан из завоеванного поселка, который открывал путь до Орла.

Постепенно залпы начали умолкать, лишь изредка слышалось отдаленное «пав».

Споткнувшись о камень, под ноги Алексею упал убегающий парень. Прикрывая лицо рукой и лежа на спине, он пытался отползти подальше от направленного на него оружия.

Оскалившись, словно зверь, подполковник собирался уже выстрелить, но тут заметил, что паренек совсем еще молодой, лет пятнадцати. У него были чистые щеки, еще не тронутые щетиной, огромные распахнутые в ужасе голубые глаза и пухлые губы.

– Не надо... – жалостливо рыдал мальчишка, то и дело прикрывая лицо, дабы не видеть своей смерти.

Наверное, именно так и прикрыл свое лицо руками цесаревич Алексей перед смертью. Рефлекс защиты, который, увы, не помогает при встрече с дулом браунинга.

Широко раскрыв безумно горящие глаза, Горин не спускал с мальчишки взгляда. Немного отдышавшись, он устало опустил винтовку и побрел в сторону ликующих солдат.

Без артиллерии, патронов, с численностью, намного уступающей вражеской стороне, белая гвардия в который раз уже одержала победу, показывая противнику свой профессионализм воинов и свой героизм патриотов.

Оседлав чужого брошенного коня, Алексей возвращался в поселок. Его приветствовали улыбающиеся офицеры и солдаты. Непривычно звенел колокол на старой церкви: это Васютков, по-молодецки лихо приплясывая, оповещал округу о победе. Проезжая мимо, Алексей привычно перекрестился на купол и отдал честь Михаилу.

Слышались поздравления друг друга и рассказы о том, как они «этих гадов».

Только Горин не разделял общего ликования, он помнил о тех, кто остался лежать у леса, в поле. О тех, кто уже не споет под гитару и не закурит расслабленно папиросу. О тех, кто больше не увидит свою мать, не обнимет своих детей и не посмотрит в ласковые глаза красавицы-жены. И он все время помнил о цесаревиче. Последние его слова, сказанные Алексею, не выходили у Горина из головы: «Я не забуду нашей встречи и вас». Помнил ли тринадцатилетний мальчик о том разговоре в 1915 году? Конечно же, помнил. Возможно, устав от заключения в чужом доме, он ждал спасения именно от него, поручика Горина, который тоже обещал не забывать будущего императора.

Около штаба, прижимаясь друг к другу и изнывая от жары, стояли плененные красноармейцы. Алексей безразлично посмотрел и решил, что отправит их в Орел, пусть там решают, что с ними делать.

– Ваше высокоблагородие, – окликнул его подпоручик Андреев.

Алексей обернулся и увидел одного из солдат своей армии со связанными руками и виноватым лицом. Это был пожилой рядовой с усами до подбородка и кучковатыми бровями, огромный покрасневший нос сиял на солнце, а пухлые рыхлые губы мелко дрожали.

Горин не знал имени солдата, но часто слышал его удалые песни у костра.

– Как узнал? – спросил Алексей у подпоручика.

– Да узнать-то нехитрое дело, – не опуская винтовки, сплюнул Андреев, – по своим же и палил, гад.

– Бес попутал, Ваше высокоблагородие. Смилуйтесь. Детишки у меня. Семерых бабадура наплодила, каждую весну на сносках, – рядовой упал на колени, преданно глядя на Горина снизу вверх. – А они денежные, красноармейцы проклятые, заплатит много обещали. У нас-то что, сами без портянок ходим, пояса кожаные жуем, а у меня семеро, все баба моя...

Алексей брезгливо смотрел на него, медленно кружа вокруг предателя на коне.

– Даже не за идею, сволочь, – подполковник медленно достал револьвер и выстрелил в упор.

Вокруг воцарилась тишина.

– Этих куда? – откашлялся Андреев, указывая кивком на пленных.

– Расстрелять.

– Но, Алексей Константинович, – впервые подпоручик растерялся и был удивлен решением командира.

– Расстрелять! – рявкнул Горин. – Собрать трофейное оружие и их же пулями этот сброд и расстрелять.

Алексей пришпорил коня и пустился галопом.

– Выполняй, – безнадежно махнул рукой Андреев стоящему рядом солдату и посмотрел вслед удаляющемуся подполковнику.

Алексей поднял ведро с водой из колодца и принялся жадно пить. Ледяная вода приятно холодила горло, стекая по подбородку и шее. Вдали послышались залпы.

Остаток воды подполковник вылил себе на голову и зажмурил глаза. Сегодня он не был офицером великой русской армии, сегодня он стал убийцей.

Еще раз зачерпнув воды, Алексей принялся с остервенением мыть руки, чувствуя, как в нем закипает злость на самого себя, поднял ведро и вновь облился. Краем глаза он заметил, как к нему подошел солдат.

– Чего тебе?

– Вот, список расстрелянных, – протянул солдат листок.

– На кой мне их волчьих имена?

– Так положено, – безразлично пожал плечами рядовой и порылся в дорожной сумке, извлекая карандаш.

Алексей обтер руки о штанины и взял протянутый список. Тридцать восемь человек. В ряд шли фамилии, двое числились под списком как неизвестные.

– Не желали сообщать имена, – пояснил солдат.

– Их воля, – Алексей размашисто подписался: «Приказом командующего восьмого дивизионного полка А. К. Горина».

– Зуев где? – спросил он, возвращая список.

– Убит, – последовал спокойный ответ.

– Что? Врешь, гад! – Алексей схватил рядового за грудки, глаза его бешено расширились, лицо исказила ярость.

– Никак нет, Ваше высокоблагородие. Сам видел, как с седла он упал, словно подкошенный, – испуганный солдат попытался вырваться из цепких рук командира.

Алексей отшвырнул его в сторону и, вскочив на коня, преданно поджидавшего рядом, помчался к полям.

Глава 12

Трупы, трупы, десятки, сотни... Простреленные, с отрубленными конечностями, с широко распахнутыми глазами, бездумно смотрящими в голубое небо.

Алексей переходил от одного убитого к другому, вглядывался в лица и переворачивал тех, кто лежал навзничь. Тяжело дыша, подполковник пытался найти Петра. Сплошное покрывало из убитых. Около некоторых стояли, понуриив головы, лошади, не решаясь покинуть своих хозяев или поджидая, что кто-то увидит их, даст новые имена, будет гладить по гриве и прищипорит для того, чтобы гнать в новую битву.

– Петр! – громко крикнул Алексей, широко раскинув руки и безумно озираясь по сторонам, словно надеясь, что друг откликнется.

Хрипло каркая, взлетели вороны, потревоженные мощным голосом и возмущенные тем, что им не дали всласть полетать над трупами, вдыхая сладкий запах смерти.

В эту же секунду Алексей увидел знакомого коня с белой полоской на лбу.

– Ласточка! – выдохнул он, рванулся в сторону коня и, подбежав, упал на колени над телом Петра.

Подхватив друга и все еще надеясь на чудо, Алексей прижался к окровавленной груди. Тишина. Ни вдоха, ни стопа, ни мерного стука сердца.

– Как же так? Как же ты так, братец Зуев? – глупо спросил он, дрожащей рукой убирая прядь волос с лица Петра. – Я живой, почему же ты... так?

Увидев подполковника с телом на руках, солдаты притихли и перестали распевать патриотические песни.

Подбежал Васютков.

– Я помогу.

– Я сам, – сквозь зубы ответил Горин, укладывая на бесхозную телегу свою ношу. – Смородько!

– Убили капитана, – сказал кто-то.

Алексей поморщился:

– Ромашкин!

– Тоже Богу душу отдал.

– Васютков!

– Я, – поручик откашлялся и отвел взгляд от телеги.

– Принимай командование, Михаил, – Горин накрыл Петра брезентом и впряг лошадь. – Меня не будет пару дней. Да, Миша! Вороны. Похороните тех, кто остался там.

Глава 13

«Ревекка, милая Ревекка! – воскликнул Айвенго. – Это совсем не женское дело. Не подвергай себя опасности, тебя могут ранить или убить, и я всю жизнь буду мучиться сознанием, что я тому причина...»

Анна перевела дыхание и продолжила чтение. Она не любила Вальтера Скотта, его произведение о храбром рыцаре разочаровало девушку. Ожидая от автора намного более захватывающей истории, она на протяжении всего чтения усмехалась и удивлялась, почему драка на турнирах и искалеченные кости назывались храбростью и отвагой. И почему глупо рискующий своей жизнью король Ричард имел прозвище Львиное Сердце?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.